

Кроткая заступница

Автор:

Мария Воронова

Кроткая заступница

Мария Владимировна Воронова

Это только на работе следователь Лиза Федорова уверенная, собранная, требовательная. А при маме она превращается в бесправное зависимое существо. Единственная ее радость – сочинять романы в жанре фэнтези. Правда, Лизины тексты безжалостно редактирует ее литагент, от которой неуверенный в себе автор тоже полностью зависит... Но однажды она сделала шаг к независимости, решившись помочь девушке своего подследственного, доказательства невинности которого можно было собрать только в другой стране. На собственные деньги Лиза купила билет на самолет. Сопровождать эту кроткую толстушку отправился роковой мужчина Руслан Волчеткин. Неужели он нашел в Лизе что-то привлекательное?

Мария Владимировна Воронова

Кроткая заступница

© Воронова М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Переступая порог громадного книжного магазина на Невском, Лиза всегда ощущала душевный подъём, мимолетную тень детского ожидания чуда. Сквозь большой, но тесный от стеллажей зал она направилась к эскалатору, кинув быстрый жадный взгляд на стол со стопками новинок возле кассы. Немножко терпения – это удовольствие ждёт её на обратном пути, после встречи с редактором.

За огромным окном в сумерках угадывался петербургский двор-колодец, с тревожно-жёлтыми стенами и высокими подушками рыхлого весеннего снега. Сойдя с эскалатора, Лиза немножко постояла, забавляясь контрастом между тусклым безмолвием за окном и оживлением внутри магазина.

Уверенно миновав лабиринт стеллажей с научно-популярной литературой, Лиза вошла в кафе и стала высматривать Юлию Викторовну в полумраке уютного зала.

Редактор махала ей от самого дальнего столика. Лиза подошла, сняла пальто и села, привычно расстроившись, что выглядит особенно полной рядом с этой миниатюрной подтянутой женщиной с точёным личиком.

Поздоровавшись, Юлия Викторовна сразу передала ей конверт с деньгами, который Лиза, не открывая, бросила в сумочку. В этом действе было что-то неприятное ей, как и то, что Юлия Викторовна всегда настаивала на том, чтобы самой заплатить в кафе, – и тогда Лиза выбирала самый дешёвый эспрессо, хотя, бывая в книжном одна, всегда пила капучино, который в здешнем кафе готовили действительно хорошо.

– Вы уже отправили новую рукопись в издательство? – спросила Лиза, пригубив кофе и поморщившись от его резкого кислого вкуса.

– Нет ещё, вычищаю.

Лизе понадобились все силы, чтобы сохранить спокойствие. Юлия Викторовна сто раз говорила ей, что «вычищать текст» – это сугубо профессиональный термин, принятый среди редакторов, и в нём нет совершенно ничего обидного. Но всё равно было очень грустно слышать сей глагол в адрес своих рукописей. Сразу перед мысленным взором представлялась свалка с протяжно кричащими чайками, кружащими над ней...

Чтобы не выдать своего огорчения, Лиза промолчала, и Юлия Викторовна сразу достала большой блокнот, где у неё были записаны замечания по той части текста, которую она уже успела посмотреть.

Лиза слушала и кивала, хотя согласна была далеко не со всем. Во-первых, ей всегда было трудно сразу чётко сформулировать аргументы в защиту своей точки зрения, а во-вторых, опыт подсказывал, что Юлия Викторовна всё равно сделает так, как посчитает нужным. В самом начале их сотрудничества она сказала: «Спорить со мной можно, но если вам не удастся меня переубедить, будет так, как предлагаю я».

Переубедить Юлию Викторовну не удалось ни разу, и Лиза мало-помалу забросила эти попытки, понимая, что редакторскому профессионализму она, как автор по-прежнему неопытный, может противопоставить только свои неубедительные обиды.

«Надо поступать так, как лучше для дела, а не так, как хочется лично мне!» – убеждала себя Лиза и, отбросив гордыню, слушала замечания Юлии Викторовны, которые нельзя было не признать дельными и разумными.

Расстались женщины очень сердечно, редактор заторопилась по каким-то своим делам, а Лиза осталась сидеть за столиком. Ей не хотелось выходить вместе с Юлией, которой она была на голову выше и толще примерно в два с половиной раза.

Заказав наконец любимый капучино, Лиза в задумчивости уничтожила причудливый узор, изображённый баристой на пенке, и нахмурилась.

Странно, в сумочке лежит конверт с деньгами, а радости на сердце по этому поводу никакой. Ни малейшего предвкушения шопинга или приятного нетерпения, что вот сейчас она наконец может купить давно облюбованную вещь. Не было у Лизы таких вещей!

Может быть, потому, что радость приносят не сами покупки, а то ощущение своей красоты и привлекательности, которое возникает, когда смотришь на себя в обновке... Но о какой привлекательности можно говорить, когда у тебя пятьдесят второй размер! «Тут только мантия-невидимка исправит ситуацию», –

усмехнулась Лиза.

Вспомнилось, что несколько недель назад ей вроде бы хотелось купить мультиварку. Наслушавшись от коллег восхвалений данного прибора, Лиза вяло полистала странички Интернета, и взгляд упал на стильную модель красного цвета.

Бледная тень желания всё же лучше, чем ничего, и мама обрадуется...

Лиза посмотрела на часы. Есть ещё время побродить по книжному, а потом поехать за прекрасной мультиваркой.

Она поднялась, с неудовольствием поймав своё неясное отражение в тёмном окне, и вернулась на первый этаж к столу с новинками. Увлеченно перебирая яркие томики и гадая, под обложкой какого из них её ждёт головокружительное погружение в иллюзорный, но от этого не менее привлекательный мир, Лиза не заметила, как к книге потянулась рука другого читателя и получилось что-то вроде рукопожатия.

– Простите, – сказали они одновременно и быстро отпрянули.

Отступив, Лиза посмотрела на человека, с которым столкнулась. Это оказался высокий широкоплечий мужчина, сухопарый, с красивым, но каким-то пасмурным лицом.

Кисть руки у него была крупная, сухая и тёплая, и случайное прикосновение к ней почему-то дало Лизе уверенность, что перед ней хороший и добрый человек.

– Прошу прощения, – повторил мужчина и отошёл к стеллажам с блокнотами.

Лиза торопливо направилась к эскалатору, поехала вверх, через плечо поглядывая на своего случайного собеседника. Она вспомнила, что иногда встречала его здесь раньше и даже отмечала, какой красивый мужчина.

Кажется, раньше он выглядел веселее, а может быть, и нет. Наверное, решила Лиза, она просто фантазирует, чтобы почувствовать причастность к чужой жизни.

Немного стыдясь, она подошла к полкам, где стояли написанные ею книжки, забытые и неприкаянные.

Лиза улыбнулась им, как друзьям. Было очень хорошо заметно, что они стоят тут очень давно, корешки успели слегка поблекнуть, а бумага, кажется, ещё больше потемнела. Что поделать, если её творчество не пользуется популярностью... Да, она пишет не бог весть какие шедевры, но издательство регулярно покупает её рукописи, хотя не в этом даже дело! Стремление писать – это подарок судьбы, возможность хоть ненадолго ускользнуть из серой и унылой беспросветности, в которую превратилась её жизнь.

Лиза Шваб, так её имя значится на обложке романчиков в жанре фэнтези, которые она сочиняет в свободное время. Лиза Шваб...

Иногда удастся поверить, что где-то там, на краю земли, живет настоящая Лиза Шваб, счастливая жена и мать, и жизнь её сложилась именно так, как мечталось когда-то...

Лиза ещё немного походила по залу с художественной литературой, но так ничего и не выбрала. Что ж, пора обратиться к прозе жизни и двигать за мультиваркой. Если поехать в сетевой магазин с демократичными ценами, то остатка гонорара, который Лиза вытащила из конверта и пересчитала, как раз хватит на такси до дома.

На обратном пути она снова встретила «знакомо-незнакомца», как назвала его про себя. Он стоял возле стендов с медицинской литературой, листал какую-то толстую монографию.

Кажется, он почувствовал пристальный взгляд Лизы, потому что обернулся, с лёгкой улыбкой кивнул ей, как старой знакомой, и снова уткнулся в свою книгу.

– Лиза, что это такое? – Мама смотрела на мультиварку с ужасом и брезгливостью, словно дочь достала из коробки не симпатичный кухонный прибор, а какое-нибудь малоизученное земноводное.

– Это очень полезная в хозяйстве штука, – заговорила Лиза с воодушевлением, – тысяча разных функций, даже йогуртница есть!

– Нам негде её ставить!

Лиза пожала плечами. Кухня большая, но устроена действительно на редкость бестолково, мама так и не разрешила сделать ремонт и заказать современный гарнитур. Посуду и утварь некуда убирать, поэтому она занимает все свободные плоскости, и для мультиварки места нет, тут мама права.

Наверное, подумала Лиза, грустно глядя на белый пластиковый буфет, который помнила с детства и на покосившейся дверце которого ещё остались следы переводной картинке, красивая современная вещица не будет здесь смотреться органично.

Родственники часто дарили им всякие милые штучки: скатерти, салфетки, аппетитные пузатые кастрюльки с узором, и сама Лиза покупала в дом такое, но всё это непостижимым образом исчезало, спрессовывалось в недрах буфета в единый конгломерат будущей радости...

Мама прятала всё хорошее до лучших времён, до того момента, как у них станет «чистенько и красиво», но жизнь текла своим чередом, и стены всё так же оставались выкрашены масляной краской цвета позднего ноябрьского утра, подтекали трубы, рисунок на линолеуме истирался и кое-где пропал совсем...

– Кроме того, – прервала мама Лизины раздумья, – у нас газовая плита, и готовить на электричестве крайне невыгодно. Подумай, какой счёт придёт!

– Это да...

– Вот видишь! – Мама назидательно подняла палец. – Нужно было посоветоваться со мной, прежде чем делать крупную покупку. Я уже не говорю о том, что ты живёшь в семье и обязана считаться с нами.

Отвечать на эту сентенцию большого смысла не было, но мама всё равно поджала губы.

– Я не могу расценить эту покупку иначе, как знак пренебрежения к нам, – заметила она веско, и Лиза быстро убрала мультиварку в коробку, пообещав, что завтра же сдаст её в магазин.

Она пыталась сказать, что, наоборот, хотела сделать приятное, но мама уже её не слушала.

Лиза ушла к себе в комнату, переоделась в домашние брюки и футболку, вынула шпильки из волос, превратив суровую причёску «гроза преступного мира» в уютный хвостик.

Волосы у неё были действительно хороши, густые и блестящие, они немного вились от природы, красиво обрамляя высокий лоб, но какой в этом толк, если у тебя массивное крепкое тело, которое даже после изнурительных диет не хочет превращаться в изящную фигурку?

Обидно, ведь лицо у неё вполне миловидное, даже красивое. Правильный овал, прямой аккуратный носик, глаза не слишком большие, но хорошей формы, миндалевидные. Поймав себя на том, что будто составляет ориентировку на саму себя, Лиза засмеялась, но продолжила. Брови у неё, пожалуй, будут дугообразные, ресницы длинные и густые, а рот небольшой, чётко прорисованный, классической формы «лук Амура».

Вдруг вспомнился давешний знакомый незнакомец. Интересно, смогла бы она составить его словесный портрет? Лиза прикрыла глаза, и мужчина представился ей необычайно ясно. Итак, поехали. Рост высокий, телосложение, пожалуй, худощавое, волосы тёмные, с проседью на висках, хотя по виду ему вряд ли сильно перевалило за тридцать, голова большая, куполообразная. Лицо треугольное, лоб высокий, широкий и выпуклый, брови тоже треугольные, широкие. Глаза... Пожалуй, и они треугольные, а вот цвет глаз не вспомнить. Нос очень примечательный, длинный, узкий, с внушительной горбинкой. Рот небольшой, с тонкими губами, и аккуратный твёрдый подбородок с небольшой ямочкой (оказывается, Лиза и это успела рассмотреть). Когда мужчина улыбнулся ей, стали видны зубы, белые, крепкие, немножко тесно и косо стоящие, как почти у всех людей с узкими лицами.

Особые приметы? Кажется, лёгкая хромота, хотя Лиза не была уверена, всё же на её глазах он сделал всего несколько шагов.

Но главное, конечно, не нос и не губы, а общее впечатление доброго и сильного человека... Лизе вдруг стало грустно, что она никогда и ничего больше о нём не узнает, и не приключение даже, а лёгкий намёк на него уже позади. Какова вероятность, что они снова столкнутся в книжном магазине? Почти нулевая, так что знакомый незнакомец – просто воспоминание, которое быстро растворится в серой рутине её жизни.

Лизе захотелось выпить чаю. Она прислушалась. Мама всё ещё чем-то занималась на кухне, расхаживала там, и это были не просто шаги, а поступь оскорблённой женщины.

Лиза вздохнула. Какую часть своей жизни она провела, затаившись в своей комнате, боясь выйти, чтобы не попасть под испепеляющий взгляд мамы? Не меньше половины, наверное... Сколько помнила себя, столько было это ощущение загнанного зверя, открывшего Лизе бездны зла не только в мире, но и в собственной душе.

Почему-то всем её поступкам придавалась поистине космическая значимость, мама умела в частном видеть общее и соединить логической цепочкой такие, казалось бы, далёкие понятия, как покупка мультиварки и неуважение к родителям.

Разорвать эту цепь с помощью контраргументов Лизе никогда не удавалось, родители не допускали даже тени сомнения, что их картина мира может оказаться в чём-то неправильной, так что только смирение, признание и раскаяние могли вернуть Лизе милость мамы с папой.

Лиза старалась простить маме своё отравленное детство и то, как поступала с ней мама потом. Иногда у неё получалось, и девушка чувствовала, как сердце освобождается, светлеет и радуется, но потом мама снова, как вот сегодня, находила повод устроить ей бойкот на ровном месте, и со дна души всплывал мутный едкий осадок старых обид...

В надежде, что работа поможет отвлечься, Лиза открыла ноутбук. Давно пора писать новый роман, последний текст она сдала Юлии Викторовне больше месяца назад. И пусть редактор ещё «вычищает» авгиевы конюшни Лизиной бездарности, все сроки на отдых между книгами вышли, тем более сюжет у неё почти сложился и изменится, только если персонажи получатся такими яркими,

что сами станут определять свои поступки.

Открыв новый файл, Лиза нахмурилась. Говорят, самое трудное – сочинить первую фразу. Она соглашалась с этим утверждением только отчасти. Просто знаешь, что после первой фразы нужно будет придумать ещё очень много таких же трудных фраз... вот потому-то и боязно начинать.

Лизу всё время мучило, что картины, возникающие у неё в голове, переносятся на бумагу в виде бледной тени, и довольно часто она думала, что, чем писать так плохо, лучше вовсе не писать, но всё же не могла бросить свой полуприработок-полухобби.

Причина, по которой она начала сочинять книги, была очень грустной, и кто знает, справилась бы она со своим горем, если бы не забывалась в творчестве? Наверное, это сродни пьянству...

Лиза никогда не надеялась, что книги принесут ей славу и большие деньги, ожидания не простирались дальше того, что когда-нибудь она сможет получать такие гонорары, чтобы оставить постылую службу и зарабатывать себе на хлеб исключительно литературным трудом.

Но она мечтала, как будет приходить в издательство, общаться с редакторами и корректорами, а может быть, и с другими авторами – словом, у неё появится новый круг общения, состоящий из интересных творческих людей.

Особенно ей хотелось познакомиться с детской писательницей Александрой Горобец, книгами которой Лиза зачитывалась, немного смущаясь, что она, взрослая тётка, увлекается литературой для девочек.

Много раз Лиза смотрела на портрет писательницы и по-белому завидовала ей. Красота Александры была того рода, что во все времена заставляет человеческие сердца благоговейно замирать, несмотря на главенствующую в данный исторический момент моду, и только прочтя в интервью, что у неё есть замужняя дочь, Лиза сообразила, что Горобец уже немолода. То, что писательница значительно старше её, Лизе бы и в голову не пришло – настолько хорошо она выглядела.

Лизе очень хотелось рассказать Горобец, в каком восторге она от её книг, мечталось, чтобы Александра прочла хоть кусочек из её произведений и сказала, что думает на этот счёт.

Необузданное воображение рисовало Лизе картины их встреч в издательстве, беседы за чашкой кофе, обсуждение каких-то рабочих моментов...

Увы... Все её контакты с литературным миром замыкались на Юлии Викторовне. Смешно сказать, Лиза даже ни разу не была в издательстве, и узнавать, что за люди принимают участие в создании её книги, могла только по выходным данным.

«Я вас освободила от всей этой рутины, – говорила Юлия, когда Лиза пыталась заикнуться о своей жажде общения. – Вы пишете, а об остальном я позабочусь. Эта форма наиболее удобна и автору, и агенту».

Вероятно, так и есть, думала Лиза, никто не захочет дружить со мной, тем более обсуждать творчество, каждый занят своей собственной работой. Хорошо, что Юлия Викторовна взяла меня под своё крыло и возится со мной. Только если бы она ещё устроила так, чтобы я получала гонорары непосредственно из издательства... Сейчас между автором Лизой Шваб и её агентом было принято так, что деньги приходили на карточку Юлии, и она передавала их Лизе, вычтя свои проценты.

Редактор говорила, что это общепринятая практика, но Лизу почему-то угнетал конверт с наличными, она сразу представлялась себе какой-то литературной нелегалкой, гастарбайтершей.

...Лиза набрала несколько случайных букв, чтобы разбить пустоту листа. Обычно приём срабатывал, но сегодня не помогло. Это «вычищаю» тяжело легло на душу, придавив все творческие порывы на сегодня. Грустно было думать, что сейчас её текст, отражение её души, безжалостно кромсают, выкидывая целые куски, переписывая и переиначивая то, что казалось автору Лизе Шваб внятными и логичными.

«Но это только на пользу, – возражала она себе, – книга после правки становится чётче и лучше, Юлия выкидывает ту часть автора, которая мешает развитию сюжета. Пусть для меня это болезненно, но читателю становится интереснее...

Наверное, это как ребёнок. Пока ты его носишь, он полностью твой, но когда родится, ты уже не можешь вырастить его полностью по своему разумению. Чтобы получился человек, нужна помощь детских врачей, воспитателей и педагогов. Тебе может совсем не нравиться то, что они делают с твоим дeтeньшeм, но это делается для его пользы.

Просто день сегодня такой, серый и унылый. И лучшее, что можно сделать, это лечь спать. Завтра сдам мультиварку, вымолю у мамы прощение, а там, глядишь, и вдохновение придёт...»

* * *

Сделав вечерний обход в реанимации, Руслан Волчеткин поднялся к себе в кабинет, жалея, что Христина сегодня не дежурит, иначе его напоили бы прекрасно заваренным чаем. Смысл был, конечно, не в чае как таковом, а в заботе, с которой девушка хлопотала бы вокруг него. Она умела так сделать, что мужчина чувствовал себя королём, принимая чашку из её рук.

Как жаль, что у них с Максом происходит непонятно что, вздохнул он.

Точнее говоря, ничего не происходит. Братец все вечера проводит дома, штудируя свои монографии или хлопоча по хозяйству. Оно, конечно, хорошо, что в квартире теперь почти идеальный порядок, и благодаря неудачной личной жизни профессора Максимилиана Голлербаха психиатрическая наука не стоит на месте, но Макс ещё рано превращаться в книжного червя.

Родители Макса жили в Москве, поэтому, разойдясь с женой, он не отправился из Петербурга к ним, а приехал погостить в дом своей любимой тётушки Анны Спиридоновны, чему Руслан сначала не обрадовался. Но теперь, после болезни Анны Спиридоновны и связанных с этим хлопот, сдружился с братом так, что с ужасом думал о том дне, когда Макс решит зажить своим домом[1 - Читайте об этом в романе М. Вороновой «Рандеву на границе дождя». М.: Издательство «Эксмо», 2016.].

После того как Руслан попал в аварию, а мама, узнав об этом, перенесла тяжелейший коронарный синдром, Макс с Христиной так сблизилась, ухаживая за больными, что у них начался роман. Брат точно был влюблён, у него даже

лицо как-то озарялось, когда он говорил о Христине – странной молоденькой подружке матери. Руслан радовался за двоюродного брата, несмотря на то что порой чувствовал к девушке что-то вроде неприязни. Это непонятное, ни на чём не основанное ощущение удивляло и раздражало его, Руслан убеждал себя, что просто по-детски ревнует мать, а может быть, не справляется с благодарностью, которую теперь должен чувствовать к Христине. Познакомившись в социальной сети на почве любви к известной писательнице, Анна Спиридоновна с Христиной уже несколько лет состояли в нежной дружбе, девушка так привязалась к его матери, что даже называла её Мамсиком, и Руслану претила подобная бесцеремонность. Может быть, маме приятно было обрести дочку, но ему самому не нужна была названная сестра.

Когда в дом пришла беда, Христина сделала больше, чем иная кровная родственница, заботилась о них, как настоящая дочь и сестра, и всё же Руслан не хотел её принимать...

Странно, к двоюродному брату, который, приехав к ним переждать семейную бурю, неожиданно угодил в гущу событий и крутился как бешеный, делая всё, чтобы брат с тёткой поскорее поправились, он испытывал искреннюю благодарность и любовь, а к Христине, которая делала не меньше Макса, ничего, кроме презрения.

Стыдясь своих недостойных чувств, Руслан маскировал их показным дружелюбием и как мог демонстрировал, что рад новой любви брата, но вдруг, к удивлению Руслана и Анны Спиридоновны, влюблённые мало того, что перестали видеться, так теперь ещё и вообще не упоминали друг о друге.

Встречаясь с Русланом на службе, Христина живо интересовалась, как дела у Мамсика, но про Макса, который после развода жил у Волчеткиных, не задавала ни одного вопроса.

А если Руслан, приходя домой, рассказывал, что видел Христину и она прекрасно выглядит, Макс делал вид, будто этого не слышит.

Станным представлялось ещё и то, что ни Христина, не имевшая от Анны Спиридоновны никаких абсолютно тайн, ни слова не проронила о причине разрыва, ни Макс ничего не сказал Руслану.

Какая кошка пробежала между этими людьми, было непонятно, но Руслан Волчеткин всё же надеялся со временем их помирить, старательно, впрочем, не задумываясь, зачем ему, да и им, это надо.

Проходя по широкому коридору, Руслан заглядывал в полуоткрытые двери палат. Кажется, всё спокойно. Кивнув постовой медсестре, он открыл тяжёлую дверь своего кабинета, с удовольствием думая, как положит сейчас на диван больную ногу.

После аварии у него осталась лёгкая хромота, и бедро к вечеру начинало сильно болеть, если приходилось долго стоять у операционного стола.

Руслан быстро опустился на свой профессорский кожаный диван производства середины двадцатого века. Стиля в нём было значительно больше, чем удобства, высокий Руслан не помещался полностью на этом деревянном сооружении, обтянутом потёртой чёрной кожей, прибитой гвоздиками с красивыми медными шляпками, но холодная кожа приятно освежала горящую ногу через тонкую ткань хирургических брюк.

Руслан закрыл глаза и застонал от удовольствия.

С наивным самодовольством молодого мужика он решил, что всё на нём срослось как на собаке, и, выписавшись на работу, сразу встал к столу. Естественно, первая же операция оказалась адски сложной и продлилась больше пяти часов. Поглощённый работой, Руслан не думал о ноге, о том, что к середине операции она начала ныть и потом с каждой секундой болела всё сильнее. Операцию он закончил, но отойти от стола не смог, с помощью анестезиолога едва доковылял до скамейки под дверью в операционную и без сил упал на неё.

Боль была такая, что из глаз лились слёзы, и Руслан надвинул колпак на глаза, а маску поднял повыше, чтобы никто не видел его слабости.

Так его и нашёл пробежавший мимо Колдунов, обозвал дебиллом и вколол ему какую-то гремучую смесь прямо через штанину.

Этот случай напугал Руслана, но, рассудив, что чем больше тренируешь какую-нибудь часть тела, тем лучше она тебе служит, он решил работать не меньше, а

больше, и стал брать дежурства в дополнение к дневным обязанностям.

Руслан потёр ногу и подумал, не принять ли на ночь обезболивающую таблетку. Он старался обходиться без этого, но кто знает, как пройдёт остаток смены? Дома лекарство ему давала мама, а тут Руслан специально хранил его на дальней полке книжного шкафа, чтобы, пока он поднимается с дивана или из-за письменного стола, пока открывает дверцу, было время передумать.

Вставать не то чтобы было лень, но Руслан чувствовал, что, отправившись за таблетками, он спугнёт тот покой, который готовится на него снизойти.

Не двигая ногой, он потянулся за книгой, купленной на днях, и вдруг вспомнил девушку, с которой столкнулся в магазине. Симпатичная, подумал он с удовольствием, лицо такое приятное... Вроде бы... Руслан не очень хорошо запомнил, потому что девушка выглядела, на его вкус, слишком полной, просто осталось мимолётное ощущение чего-то милого.

«Она видела, как я глубокомысленно смотрю научную литературу, а я взял и купил детектив и сейчас буду его читать. Мир не то, что кажется», – хмыкнул он, открывая яркий томик.

Но не успел Руслан погрузиться в описание кровавых злодеяний, как его уединение было нарушено. После короткого стука дверь открылась, и вошла Полина, бывшая возлюбленная.

Не дожидаясь приглашения и вообще какой-нибудь реакции с его стороны, она передвинула его рабочее кресло от письменного стола к дивану и села, свободно откинувшись на спинку и глядя на Руслана своим спокойным и немного сонным взглядом.

Руку она положила так, чтобы Руслан сразу заметил широкое обручальное кольцо. Слишком широкое для жены старого питерского интеллигента.

– Привет, – протянула Полина, и Волчеткин удивился, как прежде эта тягучая манера речи могла завораживать его, – а я вот решила зайти, раз уж так совпало.

– Что совпало?

– Ты на дежурстве, и у меня сегодня последняя смена. Всё! Конеч! Прощайте, старые суки, в задницу себе засуньте ваше грёбаное давление! Сосите, быдло поганое! Прости за грубость, Руслан, но накипело.

– О, пожалуйста, не извиняйся! – Руслан гостеприимно повёл рукой. – Но хотелось бы к сути...

Полина слегка улыбнулась и поправила выбившуюся из причёски прядь рыжих волос. В белых брючках, обтягивающих стройные длинные ножки, и короткой приталенной тужурке она не выглядела, конечно, как медсестра из «Плейбоя», но всё же отдалённо напоминала этот образ. Пока Полина двигала кресло, Руслан невольно заметил под тонкими брюками контур трусиков и, кажется, слегка покраснел.

Тут он вспомнил, что в приёмном покое видел Полину одетой в белый халат, как это пристало уважаемому терапевту и молодой жене маститого профессора. Похоже, сейчас она принарядилась специально для него, нерешительного бывшего возлюбленного.

– Я пришла попрощаться, – улыбнулась она, – перехожу ассистентом на кафедру терапии и там же поступаю в аспирантуру. Вряд ли мы будем с тобой видеться в такой неформальной обстановке, как сейчас.

– Всё-таки добилась своего?

– Так мой муж не последний человек в анестезиологии, а вернее сказать, величина мирового класса, – самодовольно проговорила Полина. – Как он скажет, так и будет, Инга против него вообще никто! Эта тварь ещё сто раз пожалеет, что пыталась меня загнать. Приказ подписан, с завтрашнего дня я выхожу на кафедру, а эта дура пусть утрётся!

– Полина, она в декретном отпуске, и, думаю, не ошибусь, если предположу, что твоя карьера интересует её сейчас меньше всего. Ты ей хорошенько отомстила, когда слила Ингиному мужу нашу с ней переписку, успокойся теперь. Вы квиты.

Полина пожала плечами, и по выражению её лица Руслан вдруг понял, что она сделает блестящую карьеру хотя бы только для того, чтобы в конце концов растоптать Ингу... Может быть, она и замуж вышла с этой целью, кто знает?

- А ты её не жалеешь, - вдруг огрызнулась. Полина, - не помнишь, как она твою жизнь чуть не похерила? Я должна была это всё глотать, по-твоему?

- По-моему, я тебе не разрешал залезать на свою страничку, - чётко, с расстановкой произнёс Руслан. - Полина, читать чужие письма в высшей степени непорядочно, а уж показывать их другим людям - это вообще за пределами.

- Ты мне тогда был не чужой.

Простота хуже воровства, подумал Руслан, потом увидел в вырезе тужурки ослепительно-белую кожу - и возмущение его прошло.

- Ты мне очень нравился, Руслан, - сказала Полина, понизив голос и наклоняясь к нему.

- Но ты вышла за Майофиса, так что я не понимаю, что тебе от меня нужно.

Она только улыбнулась краешком рта и пожала плечами. Руслан молчал. Полина положила свою узкую ладонь на его бедро.

- Сильно болит?

- Это другая нога, - сказал Руслан и вдруг почувствовал такой мощный зов плоти, что пришлось изо всех сил сжать кулаки.

Полина убрала руку, но не отодвинулась, и Руслан быстро отсел в дальний угол дивана. Это оказалось стратегической ошибкой, потому что девушка встала с кресла и устроилась на диване рядом с ним.

Руслан растерялся. Желание овладело им настолько, что он твёрдо знал - если сейчас изо всех сил не прижмётся губами к губам Полины, то задохнётся и умрет, как если бы он был глубоководным ныряльщиком, а Полина его аквалангом.

– Что тебе нужно? – спросил он, понимая, как жалко звучит его голос. – Ты хочешь, чтобы я помог тебе продолжить великую династию Майофисов? Прости, но я несколько иначе представляю себе свой вклад в мировую науку.

– С этим нет проблем, поверь. Я просто скучала по тебе...

Лицо Полины дрогнуло, став на миг простым и хорошим, таким, как он всегда хотел увидеть, и Руслан не выдержал, рывком притянул её к себе и поцеловал сильно и жадно, остатками растворяющегося в похоти сознания заставляя себя не быть слишком грубым.

Полина прильнула к нему, и он почувствовал, как близко друг к другу бьются их сердца. Он быстро расстегнул её тужурку, потянулся к застёжке лифчика, но она мягко отвела руку, прошептав: «Не торопись».

Хорошо, не буду, подумал Руслан и повёл дорожку поцелуев от шеи к резинке брюк, с наслаждением чувствуя губами нежность Полининой кожи. Никогда раньше она не позволяла ему таких смелых ласк.

«Надо запереть дверь», – скользнула по краю сознания ленивая мысль.

Когда Руслан потянул вниз её брюки, Полина отпрянула и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Ты действительно этого хочешь? – прошептала она.

– Безумно.

Руслан прильнул к её губам, но девушка вдруг выскользнула из его объятий и засмеялась:

– А я нет, представляешь? Бывает же такое!

Он ничего не понял, потянул к Полине руки, а она быстро и невозмутимо застегнулась и пригладила волосы.

– Это могло быть твоим, мой милый, – сказала она весело, – но ты слишком долго раскачивался. Теперь тебе остаётся вспоминать да облизываться.

Она уходила медленно, не торопясь, наслаждаясь каждой секундой его унижения.

Когда дверь за ней наконец закрылась, Руслан встал и прижался лбом к холодному оконному стеклу. На тёмный больничный сад сыпались редкие хлопья снега, кружа в тусклом свете редких фонарей, в ночном небе угасало зарево городских огней, а на земле всё таяло, на дорожках поблёскивали лужи, и окна операционной выбрасывали, как флаги, длинные прямоугольники тревожного белого света.

Желание остывало, уступая место куда более тягостному чувству.

Он не любил, более того, презирал эту женщину, поступки Полины и её мировоззрение были Руслану глубоко отвратительны, и тем не менее пять минут назад он готов был душу чёрту продать, лишь бы обладать ею. И совсем не факт, подумал Руслан с горькой усмешкой, что если она сейчас вернётся и скажет, что передумала, я выгоню её вон. Далекое не факт...

Все люди разные, и души разные у всех. Есть души-землеройки, озабоченные только удовлетворением своих житейских потребностей, а есть души светлые, возвышенные, как у Колдуна и Спасского. Оба этих человека были счастливыми мужьями и отцами, но Руслан завидовал не счастью как таковому, а той спокойной праведности, с которой они любили своих жён и делали свою работу, находя счастье в служении людям.

А есть такие, как я, со вздохом подумал Руслан, мятущиеся... Неумело взлетающие в небо и тут же падающие вниз под тяжестью собственных пороков, но всё равно пытающиеся подняться, несмотря на то что больно ударились о землю.

Так и проходит жизнь в постоянной борьбе с самим собой, между небом и землёй, на границе света и тьмы...

Руслан достал пузырёк с обезболивающими таблетками, задумчиво подбросил его в ладони и убрал на место. Надо уметь терпеть боль, и тогда она отступит.

Он всё ещё был немного шальной, но понимал, что если ему есть за что благодарить Полину, так это за то, что она сейчас ушла.

* * *

Христина уютно устроилась на диване в некоем подобии гнезда из пледа и подушек. В комнате было довольно свежо, но плед, ангорская кофта, подарок Анны Спиридоновны, и толстые шерстяные носки надёжно защищали девушку от холода, и мягкий оранжевый свет бра тоже будто согревал её, рассеивая всё грустное и плохое.

Христина думала, как уютно смотрится с улицы её окно, в котором мерцает тёплый свет, и прохожие наверняка думают, какие хорошие и счастливые люди живут под этим светом. Наверное, это всего лишь игры генетической памяти, когда появление далёкого огня в темноте становилось спасением для неприкаянного путника.

Плотнее закутавшись в кофту, девушка с нежностью подумала об Анне Спиридоновне. Взяла айпад, проверила «ВКонтакте» и вздохнула. Новых личных сообщений не появилось.

В последнее время Мамсик стала к Христине холоднее – или это ей только кажется? Раньше они каждый день обменивались подробными отчётами о своих делах, а теперь Анна Спиридоновна почти никогда первая не напишет, а в ответ на Христинины расспросы ограничивается формальными «всё хорошо, не волнуйся» и стикерами.

«Чем я могла её обидеть? – размышляла девушка. – Да, когда я ухаживала за Мамсиком, может быть, взяла себе слишком много полномочий, но я вовремя опомнилась – и ретировалась, прежде чем кто-то мог бы назвать меня навязчивой...»

Несколько раз она набиралась храбрости и спрашивала Анну Спиридоновну, может быть, незаметно для себя нанесла какое-то оскорбление или чем-то разочаровала? Но получала в ответ горячие уверения, что ничего подобного нет и в помине, успокаивалась, но быстро начинала снова переживать.

Христине было очень страшно потерять единственного человека, который был ей по-настоящему близок и дорог...

Где-то очень глубоко, в самом тайном уголке души, Христина прятала от себя самое понимание холодности Анны Спиридоновны, заваливая эту ясную мысль ворохом ярких восклицаний «Да нет, не может быть!», «Мамсик не такая!». И прочая, и прочая, и прочая...

Анна Спиридоновна не может простить, что Христина отвергла ухаживания Макса – вот и всё. Точнее, не так, она выше обиды, но всё же неприятно знать, что вот ты взяла девушку, спасла ей жизнь, помогла встать на ноги после сокрушительного удара, а теперь твой любимый племянник оказался для этой девушки недостаточно хорош.

Надо набраться храбрости и поговорить с Мамсиком откровенно, рассказать всю правду, чтобы она поняла и перестала сердиться, но Христина никак не могла преодолеть в себе какой-то непонятный стыд.

Иногда Христине хотелось, чтобы Макс оказался не таким щепетильным и открыл своей тётке тайну, которую девушка доверила ему одному...

Невесело улыбнувшись, Христина открыла группу поклонников известной писательницы, в которой подвизалась администратором. Последнее дежурство в реанимации выдалось неправдоподобно спокойным, и она создала разнообразные посты – бойкие, с призывом к дискуссии, информативные, да разные – на неделю вперёд, так что теперь, если в жизни автора внезапно не произойдёт какого-нибудь важного события, ей нужно только осуществлять общий надзор за группой.

Читая комментарии к постам, Христина заметила, что в группе появилась новая активная участница. Когда она зарегистрировалась, было неизвестно, но писать начала только неделю назад, и Христине очень нравилось, как она умеет выразить свои мысли, не скрывать восхищения творчеством любимой писательницы, но в то же время не впадать в глупый щенячий восторг.

Людмила Ивановна, так звали женщину, раз начав, писала теперь каждый день. Большинство участниц группы тематическим постам предпочитали вечерний чат: рассказать, как они провели день, что любят, что не любят – словом, больше

увлекались салонной болтовнёй, чем обсуждением книг, а Людмила Ивановна всегда высказывалась по делу, довольно определённо и кратко, немного даже по-мужски.

Христине нравилось, что в группе удалось создать непринуждённую домашнюю атмосферу, участники чувствуют себя свободно и могут делиться личными переживаниями, что благодаря группе между людьми завязываются тёплые отношения, часто переходящие в личное знакомство, а то и в дружбу. Но, как всегда, было одно маленькое «но». Девушка проводила много времени, выискивая на просторах Интернета отзывы на произведения писательницы, чтобы опубликовать их в группе, часто просматривала уже зачитанные до дыр книги, чтобы взять оттуда для публикации интересную мысль, и делала пост, предвкушая жаркую дискуссию, но обычно под цитатой или отзывом появлялось два-три комментария, и на этом всё заканчивалось.

В Людмиле Ивановне Христина почувствовала родственную душу и стойкого бойца.

Она зашла на страничку женщины. По комментариям Людмила Ивановна представлялась строгой, волевой, но милой дамой и на фотографии выглядела именно так. У неё оказалось круглое лицо с аккуратным твёрдым подбородком и спокойными серыми, чуть навывкате глазами, от уголков которых расходились нежные лучики морщинок. На снимке женщина была серьёзной, но сразу становилось ясно, как она похорошеет от улыбки.

Христина прочитала, что Людмила Ивановна киевлянка, и у неё сразу потеплело на душе. Странно, в Киеве прошла самая страшная часть её жизни, все события, о которых она запрещала себе вспоминать и которые искалечили бы её навсегда, если бы не помощь Анны Спиридоновны, и всё же она с теплотой и доверием относилась к землякам.

Другой личной информации Людмила Ивановна не указала, кроме номера школы, но эта цифра ничего Христине не говорила.

Друзей у женщины было мало, а общих с Христиной – ни одного.

Такая сдержанность совершенно не удивила девушку: многие люди средних лет стесняются, что сидят в социальных сетях, и стараются не афишировать своего

присутствия там, особенно если их цель не общение с друзьями юности, а получение информации по интересующим темам и поиск единомышленников.

Возможно, у Людмилы Ивановны ответственная работа, и она не хочет, чтобы сослуживки знали, что их шеф любит детективы.

А кстати, интересно, что ещё она любит?

Христина зашла через браузер, посмотреть, в каких группах состоит женщина, но две кулинарные странички и сообщество любителей крайне популярного сериала ничего существенного не добавили к характеру Людмилы.

Фотография выложена всего одна, та, что на аватарке, и на стене нет своих записей, только перепосты рецептов.

Христина вздохнула. Сама она умела вкусно готовить, но давно не практиковала это дело. После выздоровления Анны Спиридоновны и Руслана дальше навязывать свои услуги повара было бы неприлично, а куховарить для себя самой не то чтобы лень, но какое-то очень безнадёжное занятие... А вот Людмила Ивановна, видно, увлечена – вон какие сложные рецепты перепостила! Наверное, у неё большая семья, муж и дети, а может быть, и внуки уже есть...

Больше нельзя было построить никаких предположений и догадок, и Христина решилась, отправила Людмиле Ивановне личное сообщение и заявку в друзья.

Потом не удержалась, зашла на страницу Макса. Там ничего не изменилось с тех пор, как они виделись последний раз. Скорее всего Макс ни разу и не открывал её.

Одна запись и один друг – она сама, Христина.

С чувством, будто делает что-то стыдное, девушка открыла его фото во весь экран.

На снимке Макс казался совсем молодым – то ли из-за растрёпанной причёски, то ли оттого, что широко и беззаботно улыбался.

Судя по ракурсу, Макс разместил селфи. Получается, эта радость была обращена не к неизвестному фотографу, а к себе самому, и эта мысль почему-то доставила девушке удовольствие.

О чём он думал, когда сфотографировал себя на фоне эмалево-голубого неба? Просто о том, что наступила хорошая погода и подул тёплый солнечный ветер, всегда обещающий людям что-то хорошее в будущем? Так непривычно было видеть его волосы растрёпанными, что Христина провела по ним кончиком пальца.

Макс человек замкнутый, но ей он улыбался часто, и Христина видела в его лице и нежность, и грусть, и любовь, и желание, и жалость – но никогда, ни разу, он не смотрел на неё так по-мальчишески радостно...

Вдруг она услышала дверной звонок. К Христине давно никто не приходил, и она давно никого не ждала, поэтому не сообразила, что два коротких звонка – это к ней, пока соседка не заглянула к ней в комнату и строгим голосом не заметила, что, если уж она приглашает гостей в столь позднее время, пусть будет любезна сама им открывать.

Быстро вскочив с дивана, Христина пригладила волосы и одёрнула кофту. Неужели это Макс? Его визит ничего не изменит, но хотелось предстать перед ним красивой и ухоженной девушкой, а не домашней распустёхой.

– Кто там? – спросила она весело, а когда услышала ответ, почувствовала, что умирает...

* * *

Получив наконец от Юлии Викторовны текст, Лиза принялась читать – и обомлела. Он оказался не просто вычищен, а простерилизован, если не сказать убит гамма-лучами. Были убраны все длинноты, все авторские размышления и даже почти все шутки. Некоторые, наверное, действительно стоило выкинуть, всё же Лиза служила следователем и не всегда могла сразу переместиться из грубой криминальной реальности в волшебный мир фэнтези. Где-то на полпути у неё рождались не слишком благопристойные фразы, которые имело смысл оставить в своих мыслях, но, освободившись от впечатлений трудового дня, она

писала вполне милые и остроумные диалоги.

Но если бы Юлия Викторовна ограничилась стилистической правкой и сокращением, это было бы ещё полбеды. В освободившиеся места она бестрепетной рукой вписывала куски своего собственного сочинения, что, на взгляд Лизы, было так же уместно, как пририсовать бутылку пива к картине Серова «Девочка с персиками» или поскрести вилкой по тарелке во время исполнения «Лунной сонаты».

Лиза привыкла доверять Юлии и считать своё разочарование от её непринуждённой редакции гнилыми авторскими амбициями и сейчас старалась себя в этом убедить, но было ясно: текст убит и, как всякое мёртвое тело, вызывал одно желание – похоронить его.

Что же делать? Побережь свои нервы и оставь как есть? Или оспорить эту редактуру, «бессмысленную и беспощадную»?

Лиза боялась, что, если начнет бодаться с Юлией, та просто откажется работать с ней – у неё полно других авторов! И куда тогда деваться бедной беспризорной писательнице? Контактных нет никаких, придётся снова начинать с нуля или соглашаться работать с Юлией на её условиях, придав их рабочим отношениям приятный вид «победитель – побеждённый».

Сейчас у них как бы ничья, Лиза соглашается со всеми правками якобы потому, что сама осознаёт их пользу для текста, но если она признает свою зависимость от Юлии, та вообще перестанет сдерживаться.

Впрочем, её редакторская непринуждённость и так прогрессирует от рукописи к рукописи!

Лиза снова проглядела текст, и впечатление оказалось настолько тягостным, что она решила – и потянулась за телефоном. «Если бы я написала «Сумерки» или «Гарри Поттера», другое дело, с такими тиражами можно терпеть любую правку, а я-то, господи! Писательство мне всё равно денег не приносит, а если перестанет приносить ещё и удовольствие, так на чёрта оно вообще нужно?»

– Юлия Викторовна, я крайне недовольна вашей правкой, – сказала она резко, – в таком виде текст посылать нельзя.

– Лиза, ну что вы говорите, – раздался в трубке мягкий и спокойный голос, – автор не может объективно оценивать свой текст, и то, что вам казалось важным, на самом деле тормозило повествование... или ваша сниженная лексика... плеоназмы... Всё это надо было убирать, любой редактор вам это подтвердит, не только я.

Лиза отметила себе, что надо посмотреть в словаре значение слова «плеоназм», если удастся не забыть его до конца разговора.

– Но текст просто убит!

– Что значит «убит»? Поверьте, у меня огромный опыт работы, и я хочу только, чтобы наш роман прозвучал!

С каких это пор он наш, хотела спросить Лиза, но прикусила язычок. Эта фраза, безусловно, положит начало боевым действиям.

– Я понимаю ваши чувства, Лиза, – тем временем с танковой уверенностью продолжала Юлия Викторовна, – но вы же хотите, чтобы вашим романам сопутствовал успех? С хорошей редактурой на это гораздо больше шансов!

– С хорошей, – буркнула Лиза, понимая, что со стороны выглядит взбалмошной дамочкой, – но не с этой! В этот раз вы так старались перекрыть мой текст, что просто невнимательно отнеслись к своей работе!

– О чём это вы? – с королевской интонацией проговорила Юлия Викторовна. – Я всегда работаю очень добросовестно, и вы это знаете.

– Например, вы убираете шутку, – изо всех сил постаралась не поддаться её напору Лиза, – а то, что персонаж засмеялся, не убираете! И становится совершенно непонятно, с чего бы ему так весело. Надо уметь избавляться от тела, Юлия Викторовна!

– Ох, Лиза, мне кажется, вы просто устали. – В спокойном голосе Юлии сквозило искреннее участие, и Лизе сразу стало стыдно за свои претензии. – Вы столько работаете и ещё как-то успеваете писать в хорошем темпе! Вам совершенно необходимо отдохнуть... Давайте мы с вами сделаем так: вы отвлечётесь,

восстановите силы, а потом на свежую голову посмотрите текст, скажете мне, с какими конкретно исправлениями не согласны, и мы всё спокойно обсудим. Хорошо?

- Ну хорошо...

- Только помните, что я вам говорила: спорить со мной можно, но если вам не удастся меня переубедить, оставляем так, как предлагаю я.

«С тобой забудешь, пожалуй», - мрачно подумала Лиза и промолчала.

- К сожалению, Лиза, в любом издательстве к мнению редактора прислушиваются больше, чем к мнению автора. Приведу вам только один пример: как-то я в курилке обсуждала с одной авторшей её текст, беседа велась на повышенных тонах, и всё это услышал главный редактор. Больше эта авторша у нас не издавалась.

- А кто это был?

- Что вы, Лиза, я не могу вам сказать! Это было бы непорядочно.

Жаль, вздохнула Лиза, было бы неплохо пообщаться с этой дамой, перенять боевой опыт.

Обменявшись дежурными любезностями, женщины распрощались вроде бы тепло, но у Лизы осталось стойкое ощущение, что первый раунд борьбы за свободу авторского слова ею бесславно проигран. А хуже всего, что негодование от непринуждённости, с которой Юлия искромсала текст, быстро испарялось, уступая место чувству вины и мерзкому сознанию собственной неблагодарности.

* * *

В семнадцать лет Лиза встретила Гришу Шваба, свою первую и единственную любовь. Юношеское чувство редко оказывается взаимным, ещё реже счастливым и долговечным, но с Лизой случилось именно так. Домашняя девочка, замкнутая, непопулярная в классе из-за крупной фигуры, она вдруг, словно её кто-то толкнул под руку, взяла пригласительный на дискотеку в военное училище.

Билеты эти распространял учитель ОБЖ, бывший военрук, искренне убеждённый, что единственно правильная судьба для женщины – это выйти замуж за военного.

Лиза обычно не ходила на танцы, уверенная в том, что никому не сможет понравиться, да и одеться ей было не во что, а перед выпускными экзаменами вдруг решилась.

Наступил май, на улице стало совсем тепло, а одно красивое летнее платье у неё всё-таки было, поэтому она нарядилась, слегка тронула губы маминой помадой и пошла навстречу своей судьбе.

Дальше всё происходило, как в сказке. Лиза долго не могла поверить, что долговязый парень с огромными круглыми глазами и щёткой рыжеватых волос действительно приглашает её на медленный танец.

Столько лет прошло, а у неё до сих пор колотится сердце, когда она слышит эту песню...

Они не остались в душном тёмном зале, а, взявшись за руки, бесстрашно шагнули под строгий свет белой ночи. Вышли на Неву и по гранитным ступенькам возле Медного всадника спустились к воде. В белом небе висел бледный диск, то ли солнце, то ли луна, и тяжёлые волны медленно накатывали на камень, пахло мазутом и рыбой.

Гриша взял её за плечи и внимательно взглянул в глаза. Пока шли по остывающему после жаркого дня городу, много успели рассказать друг другу о себе. Но это было совсем неважно – казалось, они давно всё знают без всяких слов.

Лиза помнила каждую секунду их первого поцелуя, вкус Гришиных сухих и твёрдых губ и тепло ладоней, и как ветер с реки трепал её лёгкую юбку, и запах большой воды, и даже шум проходящего мимо катера...

Потом началось время абсолютного, невозможного, сказочного счастья. Она просыпалась с улыбкой, в первую секунду не помня, что же такое случилось, потом думала: ах, Гриша, у меня теперь Гриша – и вскакивала, встречая новый прекрасный день.

Они встречались, как только выпадала свободная минутка, и целовались, как сумасшедшие, так что у Лизы болели губы. Говорили, наверное, о чём-то, но слова терялись в мареве счастья.

Через три дня Гриша сделал предложение, Лиза его приняла и стала жить в полном восторге от ясности своей будущей судьбы. Ей виделась маленькая комнатка в каком-нибудь далёком уголке страны, куда Гришу пошлют служить, общая кухня, и она сама в окружении детей, минимум двоих. Лиза представляла своё будущее утро, как дети начинают тормошить их с Гришей, а Лиза с притворной строгостью просит «дать папе поспать», или как она кормит ужином вернувшегося со службы мужа... Видения эти были такими яркими, что Лиза не сомневалась – всё сбудется.

Став невестой, к своей профессиональной будущности Лиза отнеслась с полнейшим равнодушием и сама не поняла, как сдала выпускные экзамены, получила золотую медаль и поступила на юридический факультет.

Это не был выбор по зову сердца. В отличие от многих одноклассников она совершенно не представляла, чем хотела бы заниматься, а когда подошло время определяться, Лиза уже видела себя женой Гриши Шваба и матерью его детей, поэтому безропотно подала документы на юрфак с мыслью «какая разница, куда поступать?».

Остаток лета молодые люди провели вместе и были совершенно счастливы. Каждый день встречались и ехали на природу, если случалась хорошая погода, а если нет, болтались в городе, который в те дни принадлежал им одним.

Лиза не могла привести Гришу к себе, потому что родители категорически отказались видеть в нём её будущего мужа. До сих пор было непонятно, чем Григорий вызвал такую неприязнь у мамы и папы, они вынесли вердикт ещё до того, как увидели его впервые.

Гриша был военный, а военные все тупые, фамилия его Шваб, значит – еврей, а евреи... Евреи это евреи, и с ними нельзя иметь дел! Так думали родители, умевшие в частном видеть общее и не считавшие, что из-за любви к дочери должны вносить какие-то поправки в свою ясную картину мира.

– Не дай бог, у нас будет внук еврей! – патетически восклицала мама и не слушала Лизу, которая пыталась объяснить, что, во-первых, внук-еврей не такое уж страшное дело, да и Гриша, к сожалению, не может похвастаться принадлежностью к этому великому народу.

– Ну да, Григорий, – усмехалась мать, нарочито картавя, – Григорий Шваб! Конечно же, не еврей!

Лиза говорила, что национальность не имеет никакого значения, но её никто не слушал.

То ли антисемитизм родителей оказался настолько лютым, то ли они не могли простить Грише, что он занял важное место в сердце дочери, и она стала менее управляемой и послушной, то ли их напугали чисто житейские соображения, что, женившись, Гриша пропишется к ним и начнёт со страшной силой претендовать на площадь, но мама с папой делали всё возможное, чтобы развести влюблённых.

Они запрещали Лизе видеться с Гришей, мама пугала, что подаст на него в суд за растление несовершеннолетних (Лизе ещё не исполнилось восемнадцати), ходила к начальнику курса и жаловалась на Гришу, просила принять меры, а когда поняла, что всё это бесполезно, пообещала нанять киллера. Кажется, это был уже процесс ради процесса – мама оказалась так потрясена неповиновением дочери, что решила настоять на своём во что бы то ни стало.

Но Лиза была счастлива, готовилась к полной перемене жизни и как-то ухитрялась пропускать домашние скандалы мимо ушей.

Иногда думала, как хорошо бы было, если бы родители приняли Гришу, и можно было бы всем вместе пить чай по вечерам, и, вместо того чтобы неприкаянно шататься по улицам, клеить, например, обои в кухне или натирать пол мастикой.

Но нет так нет...

Не так давно одна сотрудница рассказывала, что дочь хочет выйти замуж чёрт знает за кого, и она собирается костьюм лечь, но расстроить этот брак. «У меня была похожая ситуация, – сказала тогда Лиза, – теперь жениха моего давно нет, а отношения с мамой испорчены навсегда».

Ребята говорили о свадьбе как о решённом деле, Гриша представил Лизу всем своим друзьям как невесту и маме написал, на ком женится, поэтому, когда пришло время тому, чего все девушки и хотят и боятся, Лиза не стала сопротивляться.

Всё случилось в общежитии, из романтики присутствовали только чистые простыни с надписью «Министерство обороны», и Гриша был не бог весть каким опытным любовником, но ему удалось сделать её счастливой.

Обоим казалось странным, что после этого им придётся расставаться, но обстоятельства пока были сильнее их. Лизе ещё не исполнилось восемнадцати, и зарегистрировать брак они пока не могли.

Наверное, можно было бы ей устроиться на работу параллельно с учёбой, снять самую дешёвую комнату и зажить своим домом, но она всё не решалась.

Стыдно теперь сказать, она не боялась труда, бедности и всего остального, но не хотела расстраивать родителей, оказаться в их глазах «неблагодарной дрянью» и «распутной девкой». Бедные молодые дураки, они думали, что впереди у них вечность, и щедро разбрасывались временем...

Решили дождаться Лизиного совершеннолетия, дата которого почти совпадала с Гришиным выпуском из училища, быстро пожениться и уехать к месту его службы. О том, что придётся бросить институт, Лиза не жалела ни секунды, рассудив, что рано или поздно это образуется.

Так прошёл самый счастливый год её жизни. К выпуску приехала Гришина мама, маленькая женщина, которой больше всего подходил эпитет «кроткая». Она хорошо отнеслась к Лизе, но неожиданно воспротивилась идее тайной быстрой свадьбы.

Она сказала, что раз ребята собираются жениться, то все должны стать одной большой семьёй, любить и помогать друг другу, и что отречься от родителей нельзя.

Каково будет Лизиным родителям знать, что дочь вышла замуж без их согласия? Лучше немножко подождать, пока Лизиной мама с папой примут дочкиного

жениха, – и тогда уже не регистрироваться исподтишка, а сделать настоящую хорошую свадьбу, не омрачённую никакими семейными ссорами.

Лизе было что на это возразить. Главным образом, что родители её не склонны менять своего мнения, чтобы угодить дочери, и если уж они ненавидят Гришу, то это так и останется, что бы он ни делал. Потом, она не отрекается от мамы с папой, а просто хочет соединиться с любимым – скорее это они отрекаются от дочери, не принимая её выбора. И если уж когда-нибудь они помирятся, то обижаться за пропущенную свадьбу Лизиним маме с папой надо будет только на самих себя.

Но, к сожалению, всё это Лиза не сказала вслух. Девушка боялась, что восстановит против себя Гришину маму.

Ох, если бы она чуть меньше была уверена в своём женихе, если бы хоть на секунду могла усомниться в его любви, то настояла бы на немедленной свадьбе!

Но Лиза верила Грише, как самой себе, и он доверял ей безгранично, вот они и не испугались разлуки.

Решено было так: Гриша отправляется к месту службы, немного обустраивается там, а Лиза тем временем уговаривает родителей. Удастся это или нет, но через два месяца она приезжает к Грише, и они женятся.

Лиза не видела в этом плане большого смысла, но согласилась.

Они не учли только один чисто житейский момент: Гришу распределили на Дальний Восток. И если бы они успели зарегистрировать брак, Лиза, как жена, получила бы военно-перевозочные документы, а так придётся ей добираться за свой счёт.

Лиза устроилась на полставки лаборанткой, чтобы скопить на дорогу, и Гриша сказал, что, как только получит первые деньги, сразу вышлет ей, чтобы она могла к нему выехать.

После его отъезда Лиза жила словно вне времени, будто в счастливом сне, в ожидании чуда. Она перечинила и подготовила те вещи, которые возьмёт с

собой, и почти перестала ссориться с родителями. Узнав, что Гриша уехал, мама подобрела и, с жалостью глядя на дочь, предрекала: «Вот увидишь, не пройдёт и недели, как он там погонится за какой-нибудь юбкой, а тебя забудет».

Лиза не обижалась, просто ждала, когда накопится нужная на билет сумма.

И вдруг среди этого сонного спокойствия позвонил Гриша и сказал, что его положили в госпиталь. «Что-то с желудком».

Лиза встревожилась, но не слишком. Какие проблемы со здоровьем могут быть у молодого здорового мужика, регулярно проходившего медкомиссию? Гастрит от смены климата, вот и всё.

Гриша в телефонных разговорах бодро сообщал, что у него всё в порядке, скоро выпишут, но вдруг Лизе позвонил его командир и отрывисто, каким-то злым голосом сказал, что лучше бы ей приехать немедленно. «Рак желудка. Положение очень серьёзное».

Лиза тогда заметалась по квартире, понимая только одно – надо спешить в аэропорт на первый же рейс.

Но ей не на что было купить билет. Зарплату она ещё не получила, стипендию забирала мама, и не было у неё ничего мало-мальски ценного, чтобы продать.

Плача, Лиза побежала к родителям, рассказала всё, как есть, но те не дали денег. «Я не могу допустить, чтобы моя дочь ехала одна неизвестно куда!» – воскликнула мама.

Лиза кричала, что известно, что её обещали встретить и что ей обязательно надо быть сейчас рядом с Гришей, но родители остались неумолимы.

Тогда она обзвонила всех родственников и знакомых, но никто не откликнулся на её просьбу. Родственники, зная ситуацию, не хотели ссориться с её родителями, а знакомым было жаль давать такую сумму без твёрдых гарантий.

Лиза пошла бы воровать кошельки, но не знала, как подступиться к равнодушным прохожим. Именно в те страшные дни у неё впервые возникло

ощущение, будто она отгорожена от всего мира бронированным стеклом, сидит, запертая в коробке, кричит, зовёт, бьётся лбом, но никому до неё дела нет, все проходят мимо, даже не поворачивая головы в её сторону. Лиза билась, как пойманная птица, но денег так и не достала.

Она говорила с Гришей по телефону, подбадривала его, как могла, обещала прилететь при первой же возможности, с ужасом улавливая, как слабеет его голос.

Через три дня он не взял трубку, а вечером позвонил командир и сухо сказал, что Гриша умер.

Лиза увидела его только на похоронах, в закрытом гробу на кладбище города Бологое, откуда он был родом.

Она гладила обтянутые красной материей доски, не понимая, что там внутри лежит её любимый человек, тот, с кем она собиралась прожить всю жизнь.

Казалось странным, что после того, как всё кончилось, надо дальше просыпаться по утрам, завтракать и ходить в университет. Разговаривать с людьми, сдавать экзамены, словом, продолжать быть студенткой, когда она уже должна была превратиться в молодую жену офицера.

Боль утраты соединялась с мучительным чувством вины, что Гриша умирал один, и она никак не смогла облегчить ему последние дни.

Целыми днями Лиза лежала в постели, пытаясь понять, как это будет теперь – жить без Гриши? Он присутствовал в каждом мгновении её жизни, и мысли «надо будет сказать Грише» и картины их общего будущего мучили её ещё очень долго.

Видя её состояние, мама пыталась утешать. Она говорила: всё, что ни делается – к лучшему, а представь, Лиза, ты бы сейчас осталась беременной или с маленьким ребёнком совершенно одна и неизвестно где?

Лиза представляла и думала, что это, наверное, могло бы её утешить. Если бы у неё остался малыш, и она жила бы с ним среди товарищей Гриши, которые

помнили его и любили.

Но судьба отказала ей в материнстве...

Шло время, боль притуплялась, но не становилась легче. Лиза жила очень замкнуто, школьные подруги как-то рассосались, а в университете она не завела друзей, поглощенная любовью к Грише.

Так одиночкой и доучилась, получила специализацию по уголовному праву и поступила в следственный отдел в один из районных отделов полиции. На службе немножко сблизилась с инспектором по делам несовершеннолетних, мощной тётёй по имени Наташа, один вид которой мог наставить на путь истины самого разнузданного малолетнего хулигана.

Они любили вместе попить чайку на службе, обсудить сериал, иногда ходили в кино или в кафе, но Лиза никогда не рассказывала Наташе про своего возлюбленного, и Наташа тоже не откровенничала, почему до сих пор одна.

Женская жизнь у Лизы присутствовала, правда, в сильно редуцированном виде.

Увы, ей было с чем сравнивать! Вялый интерес её немногочисленных ухажеров так был не похож на чистую, сильную, полнокровную любовь Гриши, что казалось кощунственным отвечать взаимностью кому-то из них.

Иногда Лиза думала, что у многих женщин вообще не бывает в жизни того, что было у неё, что судьба просто взяла всё положенное ей счастье и выдала его целиком в этот чудесный год, что они были вместе с Гришей, вот и всё. И жаловаться грех.

Через несколько лет после окончания университета она стала встречаться с маминим сослуживцем, солидным женатым человеком.

Сергей Петрович был симпатичным доктором исторических наук, немного рассеянным, добрым и довольно пожилым. Лиза потянулась к нему скорее за отеческой заботой, чем за страстью, а чем сама понравилась ему, так и не поняла.

Он сразу дал понять, что не разведётся, да Лиза и не хотела за него замуж. Эти редкие встречи нужны были ей, только чтобы почувствовать, что годы её женского расцвета проходят не совсем уж бесцельно.

Встречались с радостью, но расставались без грусти, и хоть прекрасно проводили вместе время, без претензий и обид, близкими людьми так и не стали. Видно, для этого не хватало именно этих самых претензий и обид.

После смерти Гриши из жизни словно ушёл солнечный свет, и хоть она мало-помалу приспособилась к темноте, всё же сильно тосковала по цветам и краскам.

Года через два после окончания университета Лиза вдруг села писать. Теперь она уже не могла вспомнить, что натолкнуло её на эту мысль и почему она решила, что литературные занятия помогут вернуть солнце, но так или иначе села за компьютер и в три месяца написала любовный роман.

Почему ей казалось таким важным написать историю, придумать мир, в котором Гриша бы не умер, а женился на Лизе и жил с ней долго и счастливо? Зачем она ночи напролёт колотила по клавиатуре, ведь это ничего не могло изменить?

Она писала книгу для себя, чтобы иногда перечитывать самые счастливые страницы и погружаться с головой в свою непрожитую жизнь, совершенно не думая о публикации, но, поставив последнюю точку, почувствовала, что это ещё не всё.

Что нужно отпустить книгу «в жизнь», чтобы герои нашли счастье не только в её авторской голове, но и в головах читателей.

Тогда, ей казалось, их с Гришей мечты обретут что-то вроде реальности, пусть не в настоящем мире, но в каких-то тонких материях.

Странно, Лиза никогда не была склонна к мистицизму, но тут её словно чёрт под руку толкал.

Она послала текст сначала в одно издательство, потом в другое и получила везде отказ. Ни на что особенно не надеясь, Лиза обратилась в третье, и, когда

уже перестала ждать известий, ей вдруг позвонила Юлия Викторовна, предложила встретиться.

В те времена её любимого книжного магазина на Невском ещё не существовало, и они увиделись в обычной сетевой кофейне. Юлия сказала, что в таком виде роман к публикации не годится, но она видит в Лизе большой потенциал, поэтому предлагает написать новое произведение, может быть, в другом жанре, потому что в авторах сентиментальной литературы недостатка не ощущается.

Узнав, что Лиза – следователь, Юлия Викторовна весьма воодушевилась и предложила ей попробовать себя в жанре детектива, но Лиза немедленно отказалась.

Работа не подбрасывала ей пищи для творчества, скорее наоборот. Мутное варево самых низких человеческих страстей, которое ей приходилось расхлёбывать по долгу службы, ни на что не могло вдохновить нормального человека.

Если бы ей удалось попасть на более высокий уровень следствия, может быть, там находились бы сюжеты, достойные лечь в основу детективного романа, но в районном отделе полиции...

Обсудив несколько вариантов, будущая писательница и её потенциальный литагент остановились на жанре фэнтези, и Лиза принялась за работу.

Теперь она писала с другим чувством, уже ничего не желая доказать судьбе, просто растворяясь в своих видениях. Лиза очень живо воображала своих персонажей и тот мир, в котором им приходилось обитать, мир ужасных опасностей, великого зла и такой же великой любви. Героям приходилось бороться и побеждать, а героиням – ждать и верить, и много испытаний выпадало на их долю, прежде чем наступал счастливый конец.

Добро у неё всегда побеждало, влюблённые соединялись, и за последней страницей их ждала безмятежная счастливая жизнь. Придуманной ею мир чем-то напоминал раннее Средневековье, точнее, легенды, сохранившиеся об этом времени. Крепостные стены, сложенные из серых валунов, оберегали персонажей от огромных драконов, а по пыльным дорогам бродили волшебники с седыми бородами в длинных домотканых рубахах. Придумывая героине фасон

платья, а герою какой-нибудь сверкающий доспех, Лиза радовалась, что воображение её не заключено в жесткие рамки реализма.

Пока Лиза писала свою первую сказку, издательство закрылось, и Юлия Викторовна перешла на фриланс, но не оставила «своего автора».

Когда текст был готов, Юлия подробно разобрала его с Лизой, предостерегла от типичных ошибок начинающего автора и дала много дельных советов.

Готовый текст она пропихнула в издательство, то самое, которое первое отказало Лизе, и роман опубликовали. Правда, в одной из самых затрапезных серий, но Юлия Викторовна сказала, что в начале всегда так.

Больше всего Лизу порадовало имя автора: Лиза Шваб, крупно выведенное на обложке. Словно лёгкое прикосновение к несбывшемуся счастью...

Сейчас можно возмущаться смелой правкой Юлии Викторовны, но следует признать: без неё Лиза никогда не состоялась бы как писатель.

Пусть писатель, стоящий в самом конце списка популярности, но всё же регулярно публикуемый, так что нечего кусать руку, которая тебя кормит! Как это типично для человеческого существа: первое, что делать, едва набрав силу, это огрызаться на своего благодетеля.

* * *

Дверь, соединяющая операционный блок и реанимацию, стукнула, и Христина, выглянув в коридор, увидела Руслана и пожилого доктора Яна Александровича Колдунова. Он нёс в руках историю болезни.

Христина пригласила их на чай, и, пока доктора смотрели только что прооперированного тяжёлого пациента, накрыла стол в комнате отдыха.

– Ну ты и корифей, Александрович! – воскликнул Руслан. – Я прямо восторгался тобой всю операцию.

– Это да, – засмеялся Колдунов, подмигивая девушке, – но учти, что нас, таких профессоров, сто штук за час можно наделать, а второй Христины не найдёшь нигде во всем мире.

– Согласен.

– Так что давай, правильно расставляй приоритеты. Нога твоя как? – Колдунов взял табуретку и подвинул её так, чтобы Руслан мог вытянуть свою больную конечность.

Христина молча подала докторам чай. За время работы санитаркой в реанимации она выучила, кто как любит.

– Спасибо, Христинка, – кивнул Руслан, – нога вроде бы ничего, не болит.

– Ну смотри. А то у нас зажим упал – верный знак, что сегодня ещё операция будет. Хорошо если холецистит, а если нет?

Руслан покачал головой.

– Да стопудово! Это всё равно что спать пойти на дежурстве. Ты недавно смены берёшь, поэтому не знаешь всех секретов мастерства. Правда, Христина, здесь свои законы? – Ян Александрович улыбнулся ей и показал глазами, чтобы она села вместе с ними за стол.

Христина повиновалась. Они с Яном Александровичем давно симпатизировали друг другу, и девушке хотелось бы подружиться с ним поближе, может быть, помогать в хозяйстве (у Колдуновых было пятеро больших детей, и недавно они усыновили шестого, так что там нашлось бы, к чему приложить руки), но она понимала, что, если начнёт к нему льнуть, неминуемо пойдут сплетни, кое-что, может быть, дойдёт до жены – и будет ей неприятно.

– Вот, например, ты полночи ошиваешься в приёмнике, и «Скорая» никого не везёт, но стоит только тебе подняться в ординаторскую, расстелить чистую постельку, улечься в неё и закрыть глаза, как немедленно звонит телефон и тебя требуют обратно. И не дай бог снять носки!

– Почему?

– Потому что тебе сразу такое привезут, что ты обомлеешь от ужаса. Так что ни в коем случае, как бы ни хотелось! Операционный журнал тоже нельзя убирать. Записал операцию, оставь на столе, пусть так открытый и валяется. Есть, правда, другая школа мысли, которая придерживается принципа закрытого журнала, но я её не разделяю. Потом, спокойного дежурства нельзя никогда желать, но это, надеюсь, ты знаешь...

Пока Ян Александрович излагал фундаментальные понятия экстренной хирургии, Христина на скорую руку соорудила горячие бутерброды и включила микроволновку, которая уютно зашумела.

Пока девушка хлопотала, разговор перешёл на какие-то ужасные вещи, совершенно неуместные за столом.

– По уши в дерьме, – радостно сказал Ян Александрович и взял бутерброд, – буквально по уши!

– А вам уже ничего не может испортить аппетит? – спросила Христина.

Колдунов задумался.

– Ты знаешь, может. Не совсем мы ещё пропащие. Как-то дежурил я в одной пригородной больничке. Прекрасный летний денёк, солнце, пчёлы, все дела... Под окном перевязочной растёт слива, буквально усыпанная сочными плодами, и в голове нашей домовитой медсестры рождается мысль о пироге. Сказано – сделано. Интерн посылается в магазин за чем там надо, я рву сливы. Через час пирог готов, вкусный, как чёрт. И когда я сижу сытый и счастливый, вдруг заходит травматолог и говорит: а, пирог из слив сделали? С дерева, которое около перевязочной? Хороший урожай дало, не зря я весной под неё тазик гноя вылил. Как меня выворачивало, это ужас просто. Главное, умом понимаю, что никакого гноя там быть не может, а сердцу не прикажешь...

Руслан засмеялся:

– Да уж, брезгливость у докторов принимает порой причудливые формы. Я, например, не могу ликёры всякие молочные не то что пить, а даже видеть. И в магазин за мясом не хожу никогда.

– Со временем все врачи становятся немного сумасшедшими, – вздохнул Колдунов, – и по идее их надо освобождать от уголовной ответственности, как всех душевнобольных.

Руслан хотел что-то сказать, но зазвонил его мобильный.

Выслушав собеседника, он поднялся:

– Пойду, Александрыч! Очередной ночной «думал, что пройдёт».

– Видишь, зажимы просто так не падают. Удачи тебе!

– Ага, спасибо! – улыбнулся Руслан и спросил: – А ты здесь ночевать останешься? Если что, у меня в кабинете чистый комплект белья есть.

– Нет, сейчас зять за мной приедет. Хорошо иметь много детей, всегда кого-нибудь припахать можно под собственные нужды! – Деликатный Колдунов осёкся – видно, вспомнил, что Руслан с Христиной бездетные.

Руслан ушёл, прихрамывая чуть сильнее обычного, а Ян Александрович попросил у Христины ещё чаю.

Подав ему чашку, девушка хотела уйти, но Колдунов мягко придержал её руку:

– Посиди со мной, доченька. Ты сегодня прямо сама не своя. Что случилось?

Изо всех сил стараясь сдержать подступившие слёзы, Христина покачала головой: мол, ничего.

– Может быть, у тебя живот болит?

– Нет!

– А что тогда?

– Просто устала.

Сил хватало только на самые короткие предложения, и Христине захотелось, чтобы её срочно вызвали в реанимационный зал или ещё куда-нибудь – иначе, она чувствовала, её сопротивления хватит ненадолго.

– Может быть, тебе уволиться?

– Что? – Предложение Колдунова оказалось для Христины более чем неожиданным.

– Видишь ли, ты пришла к нам при трагических обстоятельствах, повинуюсь благородному порыву души, – мягко принялся объяснять пожилой врач, – и я это понимаю. Но я понимаю и то, что молодая, красивая и, что немаловажно, умная женщина не должна гробить свою красоту и молодость таким образом.

Колдунов повёл рукой в сторону открытой двери.

– Если тебе так нравится медицина, поступай в институт, это ещё не поздно сделать. Конечно, нам будет без тебя очень тяжело, но справимся. Не думай, будто у тебя есть какие-то обязательства или ты нам должна что-то. Я знаю это чувство: когда тебя все хвалят, любят и говорят, что обойтись без тебя не могут, ты вроде как начинаешь считать себя обязанным по гроб жизни – и совершенно забываешь о собственных интересах. Не ходишь в отпуск, набираешь три кучи дежурств, отказываешься от перспективных предложений... Ведь ты так необходим именно здесь! Это неправильное мироощущение, доченька.

– Я не потому... – начала было Христина.

Но Колдунов не останавливался:

– Или ты по принципу: взялся за гуж, так не говори, что не дюж?

Христина кивнула.

Ян Александрович ласково посмотрел на неё и сказал только:

- Понимаю тебя. Но ты всё же подумай на досуге, ладно?

Христина обещала подумать, и Колдунов собрался уходить. По его расчётам, зять должен был уже подъехать.

В дверях он остановился и пристально посмотрел на девушку:

- Точно у тебя ничего не случилось?

- Точно!

- Ну смотри. Если надумаешь, я к твоим услугам.

Когда Ян Александрович ушёл, Христина наконец заплакала. Но распускаться нельзя, в любую минуту её слёзы может увидеть кто-то из сотрудников – и начнутся расспросы и утешения.

Она решила освежить полы, надеясь, что так, работая внаклонку, она скроет от всех своё расстроенное лицо.

Христина автоматически, размеренными движениями водила шваброй по голубенькому кафельному полу, а горячие едкие слёзы набухали в глазах и капали на этот пол...

Так хотелось рассказать всё Колдунову! Почувствовать себя его «доченькой» не только по обращению, а на самом деле, чтобы он по-отцовски пожалел её! Не помог, боже мой, этого не надо, а просто пожалел, чтобы она хоть на одну секундочку почувствовала, каково это – иметь отца!

Христина решительно сморгнула слезу и усмехнулась. Стыдно сказать, она, взрослая женщина, мечтает о маме с папой! Не дай бог, кто-то узнает об этих мечтах, да тот же Колдунов её на смех поднимет. Скажет: Христина, ты уже сама давно должна стать мамой, а не без конца проситься в дочки – то к Анне Спиридоновне, то ко мне. Тоже младенец выискался!

Взрослый человек должен сам решать свои проблемы, но Христина чувствовала, что сил у неё может не хватить.

Вчера объявился бывший муж – человек, с которым, как она думала, всё кончено навсегда. Он без предупреждения явился к ней домой, звонил, стучал, кричал через дверь, что им необходимо поговорить, но у Христины хватило духу не открыть, хотя выдержать эту атаку оказалось нелегко. Втайне она надеялась, что кто-то из соседей шуганёт его, но все сидели по своим комнатам. Лишь позже, когда муж всё-таки ушёл, к ней заглянула соседка и, поджав губы, произнесла: «Христина, мы уважаем ваше право на личную жизнь, но, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы это была действительно ваша личная жизнь, то есть не вовлекайте нас в ваши разбирательства».

Христина извинилась, но пообещать, что это не повторится, не могла. Насколько ей было известно, в Петербурге у мужа не было никаких связей, и если он приехал сюда ради неё, то первое поражение его не обескуражит. Наоборот, он провёл разведку боем, понял, что заступиться за неё некому, и теперь будет атаковать, пока не добьётся своего.

Казалось бы, волноваться не о чем, думала Христина, отжимая тряпку в красном ведре и снова надевая её на швабру, мы давно разведены, имущество поделено, никаких претензий у него быть не может, и я совершенно свободно могу посылать его ко всем чертям.

Умом Христина прекрасно это понимала, но ничего не могла поделать с чувством не страха даже, а настоящего ужаса, который охватывал её при мысли о муже.

Ужас этот был вызван не страхом боли или насилия и, уж конечно, не боязнью каких-то материальных потерь, а чувством мучительного стыда от того, что когда-то она была связана с этим низким человеком.

Христина знала, что имеет право обратиться за помощью в правоохранительные органы, если бывший муж позволит себе лишнее, но мысль эта была невыносима, так же как и воспоминание о вчерашнем унижении.

Она всегда вела себя достойно, а теперь соседи узнали, что есть на свете мужчина, которому она давала повод смотреть на себя, как на рабыню, который

унижал её раньше и собирается делать это снова.

В квартире её знали как тихую скромную женщину, а теперь выясняется, что в её окружении есть люди, которые считают возможным ломиться в чужие двери...

Из-за этого стыда Христина и не смогла позвонить в полицию. Ей казалось, так она признает себя слабой и безвольной, тряпкой, которой можно угрожать и вредить, не боясь, что она даст сдачи, и которая никому не нужна и за которую никто не вступится, кроме полицейских, да и те без особой охоты..

«Тряпка, да, именно такая тряпка, как вот этот кусок мешковины, которым я мою пол», – развешивая своё орудие производства на батарее сушиться, горько думала Христина.

Закончив уборку, она посмотрела, нет ли ещё какой работы, но всё было тихо. Сестра на посту улыбнулась Христине и махнула рукой, мол, иди отдохни, пока не началось.

Вытянувшись на узком диванчике в бельеовой комнате, девушка взяла айпад. Снова Мамсик, как называла Анну Спиридоновну Христина, ничего не написала ей. Если бы хоть спросила дежурное: «Как ты там?», Христина не сдержалась бы, выложила новость о появлении бывшего мужа, попросила бы совета и утешения... Но, наверное, Анне Спиридоновне неинтересно знать про её жизнь, так зачем навязываться? Особенно в такой деликатной ситуации.

Анна Спиридоновна очень хороший и порядочный человек, она не бросит Христину в беде, но будет ли ей приятно помогать безвольной тряпке?

Мамсик вытащила её из этого ужаса, который назывался «семейная жизнь», и потом помогла ей стать почти нормальным человеком, учила быть сильной и самостоятельной. Как теперь ей сказать, что все её усилия оказались бесполезны, и названная дочь по-прежнему трясётся как осиновый лист, только услышав голос мужа...

Сегодня утром, собираясь на работу, Христина заметила, что все соседи стали к ней заметно холоднее и за шум на лестнице винули не мужчину, который кричал и колотил в дверь, а её саму. Зачем позволяешь людям так поступать, зачем

даёшь понять, что с тобой можно это делать?

Христина знала, что Мамсик не такая, как её соседи, но совершенно иррационально, вопреки здравому смыслу боялась, что она тоже станет так думать...

Пока Христина думала свои грустные мысли, пришло сообщение от Людмилы Ивановны.

Девушка обрадовалась, что новая подруга ещё не спит, несмотря на поздний час, и можно будет с ней немножко пообщаться.

Вчера Христина никак не могла успокоиться после визита мужа, и они с Людмилой Ивановной переписывались почти до утра.

Та страдала бессонницей – и написала, что общение с такой же полуночницей для неё настоящее спасение: тем более с той, в которой она чувствует родственную душу.

Слова про родственную душу были немножко Христине неожиданны, но приятны. Впрочем, быстро выяснилось, что у них действительно много общих вкусов, и взгляды на жизнь в целом совпадают.

«Может быть, у меня впервые в жизни появится настоящая подруга, – подумала Христина, – в которой я не буду искать маму, как с Анной Спиридоновной, а стану общаться на равных? Пора взрослеть действительно...»

* * *

Лиза хотела пойти к Наташе, но в дверях кабинета вдруг возник оперативник Вася Шаларь и преградил ей путь.

– Тебе отписали дело Пушкаренко? – спросил он грозно.

Лиза кивнула и хотела пройти мимо, но щуплый Вася быстро принял позу морской звезды, так что обойти его не стало никакой возможности.

– Давай обсудим!

– Вась, давай попозже, у меня дела, – взмолилась Лиза.

– Знаю я твои дела – сейчас с Наташкой будете полдня кофе пить, сериалы свои обсуждать, а потом во «ВКонтакте» зависать.

– Ну и будем, ну и что, – буркнула Лиза, сдаваясь.

У неё был очень маленький, зато отдельный кабинет, и Лиза любила быть тут больше, чем дома. Ей нравились эти казённые стены нежно-персикового, но всё равно тоскливого цвета, дешёвая офисная мебель и пластиковые жалюзи. Почему-то в безликом унылом кабинете, пропитанном духом человеческой мерзости, сказочные истории про героев и фей придумывались особенно хорошо, и Лиза часто засиживалась допоздна, набирая на своём ноутбуке страницу за страницей.

Из большого окна открывался вид на пустырь и дальше на железнодорожную насыпь, и когда мимо проходили поезда, слышался мерный перестук колес, а иногда свистки и другие железнодорожные сигналы.

Особенно Лиза любила смотреть на вечерние электрички, когда в вагонах горит уютный свет и можно вообразить, что люди торопятся к тем, кто их ждёт.

Похоже, так проходит её жизнь, люди едут мимо неё к чему-то хорошему в тепле и безопасности, все вместе, и только она одна смотрит на них из темноты...

Эти мысли приятно царапали душу, рождая сладкое чувство жалости к себе самой.

... – Ладно, ты же всё равно не отстанешь. – Лиза села за стол и открыла тоненькую папку.

Вася устроился напротив, пристально глядя на неё своими живыми чёрными глазами. Он был небольшого роста, но хорошего сложения парнем примерно Лизиных лет, с мелкими чертами лица и слишком аккуратным для мужчины носом.

- Нет в тебе азарта, Лиза, хоть ты и капитан юстиции, - сказал он грустно, - дело-то супер! Считаю, раскрытие по горячим следам, а подозреваемый знаешь кто? Доктор наук!

- Да ладно!

- Реально профессор-профессор! Не часто такое встретишь в нашем быдлопотоке, а ты сидишь, кофеёк попиваешь.

Поняв это как намёк, Лиза потянулась к кнопке маленького чайника, стоящего у неё на подоконнике за жалюзи.

- Вась, пока я кофе пью, дело никто не украдёт. Знаешь, если бы можно было быстренько сделать всю работу и отдохнуть до следующего месяца, тогда был бы смысл, а так... Одно дело закроешь, три новых навалят. Прости, но в том, чтобы интенсивно работать ради того, чтобы работать ещё интенсивнее, я никакой логики не вижу.

Пожав плечами, Вася открыл дверцу нижнего отделения стеллажа, где Лиза хранила кофейные принадлежности. Лизу не раздражала эта хозяйская повадка, она относилась к Шаларю с большой симпатией и оставляла ему ключи от кабинета, когда он дежурил.

- А как же справедливость? Где жажда предать злодеев в руки правосудия? - сурово спросил он.

- Васенька, на работе надо работать, а не бороться со злом. А то начинаешь с вопросов «Где справедливость?», а заканчиваешь беготнёй по ночным улицам в колготках и развевающимся плаще, типа Бэтмена. И это ещё в лучшем случае.

- Ладно, не злись, - миролюбиво улыбнулся Вася. - Наоборот, скажи мне спасибо, так бы сидела, над бумажками вонючими чахла, а я тебе всё по порядку

обскажу. Как говорится, и наглядно, и доступно.

Лиза взяла дело и потрясла им перед носом оперативника:

– Это, Василий, не вонючие бумажки, а квинтэссенция всей нашей работы. Альфа и омега, если хочешь.

Шаларь мрачно подал ей чашку кофе, вполголоса обозвав бюрократкой. «Что есть, то есть», – грустно подумала Лиза. На её счету было несколько блестящих раскрытий, которые никем оказались не замечены и ни на что не повлияли – зато каждый недочёт в оформлении документов вёл к штрафным санкциям, и со временем Лиза поняла, что главное – это не сама работа, а её грамотное отражение в бумагах.

Открыв дело, Лиза увидела в протоколе допроса подозреваемого, составленном дежурным следователем, знакомую закорючку на месте подписи адвоката, и настроение её слегка поднялось. Если этот подозреваемый доктор наук и профессор, скорее всего потребует себе какого-нибудь модного и влиятельного защитника, но пока что его интересы представляет Ирина Эльханановна, адвокат по назначению, замечательная бабка, знающая и понимающая все тонкости следствия.

Лиза не часто работала с ней, но всегда поражалась уму и образованности этой уже очень старой женщины. И особенно умению схватывать суть, сразу представлять себе цельную картину дела. Чего-то не хватило ей, чтобы стать именитым адвокатом, то ли лоска, то ли связей, то ли умения себя подать, то ли просто удачи, во всяком случае, Ирина Эльханановна всю жизнь трудилась в юридической консультации, а потом наступила перестройка и всё остальное, когда правовая грамотность перестала быть приоритетным требованием к адвокату.

Не умея «договариваться», «порешать» и «заносить», а точнее, не желая этого делать, Ирина Эльханановна подвизалась на юридическом мелководье, защищая в основном всякое отребье, и много лет жила в режиме «всё, в следующем месяце уйду на пенсию». Наверное, она бы и ушла, всё-таки в прошлом году адвокатессе исполнилось 75 лет, но неожиданно она осталась одна с двумя малолетними правнуками на руках (Ирина Эльханановна не рассказывала, какие обстоятельства привели к этому, а Лизе неловко было спросить) и теперь

работала не для удовольствия, а по крайней необходимости.

Многие, в том числе Вася Шаларь, посмеивались над старой дамой, за широкую улыбку называя Гуинпленом, но Лиза знала: если бы ей самой пришлось стать подследственной, лучшего защитника она бы не желала.

Ирина Эльханановна обещала «подскочить» через сорок минут – а это достаточный срок, чтобы вникнуть в материалы деда.

– Короче, мужик вызвал «Скорую» на черепно-мозговую травму, сам сказал, что случай криминальный, чтобы вместе с полицией приехали, – говорил Шаларь, а Лиза тем временем листала тоненькое дело, проверяя, все ли формальности соблюл дежурный следователь. – Сначала «Скорая» приехала, так он не свалил, нас дождался.

– А потерпевший разве был жив ещё?

– Труп трупом, но не суть. Мужик показал, что вошёл во двор и увидел тело. Являясь врачом, он сразу бросился реанимировать потерпевшего, но успеха не добился. Подъехала «Скорая», констатировала смерть, а тут и мы подтянулись. Сначала решили, что этот Голлербах – случайный чел, мимо проходил, но не тут-то было. Он на голубом глазу признался, что за полчаса до этого вступал в конфликт с потерпевшим, то есть выкинул того из квартиры любовницы.

– Чьей любовницы, Вася? Пушкаренко или Голлербаха?

– Голлербаха. А Пушкаренко она приходилась бывшей женой.

– О как! Мотив налицо.

– Ну так! Мотив-мотив! Мы сразу метнулись в адрес, опросили любовницу и соседей, слава богу, квартира коммунальная. Все показали, что пришёл Голлербах, нашумел, соседям нахамил и в ходе драки с потерпевшим спустил того с лестницы. Ну ты понимаешь, мотив есть, показания свидетелей есть, одежда Голлербаха вся в крови, так мы его быстренько в конверт и в камеру.

– Логично, – кивнула Лиза, не понимая, почему столь банальное дело настолько заинтересовало Васю, что он остался после дежурства. – А по показаниям свидетелей, с лестницы он спустил терпилу живым или в форме трупа?

– Обычно трупы не матерятся, так что есть основания думать, что живым.

– А как тогда он оказался мёртвым во дворе? – спросила Лиза – и перебила сама себя: – О чёрт, Пушкаренко же гражданин Украины! Надо известить консульство и отправить отдельное поручение через Интерпол, чтобы там на месте выяснили, когда уехал, да к кому, да с какой целью, да во что был одет, да сколько денег при себе имел... Обдумаем, Вася, круг вопросов.

– Обдумаем-обдумаем!

– Ладно, давай по порядку. То есть, получается, наш Голлербах так нажохал Пушкаренко, что тот вышел во двор, упал и умер? Хотя это к судебным медикам, а не к тебе.

Вася хмыкнул и гордо заявил, что на этот вопрос может ответить исчерпывающе. Когда Пушкаренко на глазах свидетелей покидал квартиру, у него не наблюдалось ни малейших признаков черепно-мозговой травмы, так что есть все основания считать, что удар был нанесён ему на улице, и неподалёку от трупа найден камень, предположительно явившийся орудием убийства.

Лиза написала несколько слов в черновике плана допроса. Дело представлялось ясным. Голлербах с Пушкаренко поссорились из-за женщины. Конфликт, разгоревшийся в квартире дамы, каким-то образом переместился на улицу, в глухой, хоть и проходной, двор. Возможно, Пушкаренко решил взять реванш или просто сделал несколько оскорбительных замечаний в адрес разъярённого Голлербаха и получил по голове первым попавшимся «тяжёлым тупым предметом».

Скорее всего Голлербах действует в состоянии сильного душевного волнения или даже аффекта, но, совершив непоправимое, быстро приходит в себя – и дальше его поведение достойно всяческих похвал. Он оказывает потерпевшему первую помощь, вызывает «Скорую помощь», дожидается полицейских, которым сообщает почти всю информацию о произошедшем, умолчав лишь о том факте, что смертельный удар по голове нанёс не кто другой, как он.

Лиза встала и, подойдя к окошку, уставилась на раскинувшийся внизу пустырь. Белое солнце высоко висело в бледном небе. Весело стуча колёсами и искря, прошла электричка, её серо-красные вагоны смотрелись очень нарядными над белой насыпью. Какой-то человек, сильно размахиваясь, кидал мяч, и большая лохматая овчарка бежала за ним, с усилием вырывая лапы из глубокого снега. Со стороны проспекта приближалась колонна лыжников, судя по малому росту, это дети из ближайшей школы пришли на урок физкультуры. Лиза вдруг вспомнила, что в начальной школе показывала хорошие результаты в беге на лыжах, и физрук звал её в секцию, но родители не пустили. Беседа с педагогом состоялась на повышенных тонах, в результате физрук охладел к Лизе, а она – к физкультуре.

Вдруг остро захотелось встать на лыжи и пробежать кружочек, так, чтобы щёки закололо от мороза, и пальцы застыли, но это не страшно, потому что на финише тебя ждут друзья...

Лиза тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Она давным-давно не краснощёкая школьница, а серьёзный человек, следовательно, и должна расследовать, а не мечтать.

– Васенька, но этот Голлербах полный идиот, даром что профессор, – сказала Лиза, задумчиво размешивая сахар в очередной чашке кофе. – Если бы он свалил с места преступления, никто и никогда бы не нашёл его. Насколько я знаю наш район, дом, где находится квартира бывшей жены Пушкаренко, отделён от двора, где нашли его тело, блоком гаражей, так что очень сомнительно, что кто-то пошёл бы туда с поквартирным обходом.

– Ну в чём и дело! – подхватил Вася. – Жена сто лет как бывшая, в документах потерпевшего на неё никаких указаний нет, пока бы пришёл ответ с Украины, пока то-сё... Ну по телефонным переговорам разве что вычислили бы. А по уму, так надо было взять кошелёк, паспорт и мобильник, да и сваливать. Место глухое, никто ничего не видел. И было бы у нас дело об убийстве одного неустановленного лица другим неустановленным лицом, которое ты в положенное время приостановила бы.

Лиза покачала головой. Этот Голлербах поступил глупо. Правда, его глупость совершенно другого рода, чем, например, глупость дяди Пети, который в пьяном угаре бьёт дядю Васю бутылкой по голове и тут же засыпает рядом с трупом, не

потрудившись даже стереть отпечатки пальцев, а потом страшно удивляется, с какой стати «менты позорные» его «повязали и шьют мокруху».

Да, другого рода, но всё же глупость – и неважно, что она вызывает больше уважения, чем хитроумные расчёты.

– Вась, если он даст чистуху, я буду натягивать на самооборону, – сказала Лиза негромко, – с судебными медиками поговорю. Хотя если он профессор медицины, так на них и без меня надавят.

Шаларь только рукой махнул:

– Да я уж намекал, а толку ноль! Главное, дядька классный, мужик-мужик! Мы его когда стали конвертовать, я думал, начнётся, как обычно, а ничего подобного. Понимаю, говорит, как это выглядит со стороны, поэтому делайте, что считаете необходимым. Я его зауважал прямо! А девчонка какая у него...

– Ты имеешь в виду даму сердца, из-за которой весь сыр-бор?

– Ага! Прямо панночка из «Вия», только в хорошем смысле, ну, сама увидишь. Прибежала в дежурку, и тоже, знаешь, никаких истерик, всё по делу. Сразу метнулась в магазин за спортивным костюмом, мы же у него одежду на экспертизу изъяли. Если бы не её расторопность, так в трусах бы и сидел.

Лиза поморщилась. Этот момент казался ей очень унижительным для человеческого достоинства. Если у подозреваемого изымали одежду на экспертизу и не находилось никого близких, чтобы принесли сменные вещи, он так и сидел, завёрнутый в дежурное одеяло, или опера находили для него какое-нибудь сомнительное тряпье.

– Послушай, – вдруг опомнилась она, – ты говоришь, дама в магазин бегала за одежкой?

– Ну да, принесла костюм в упаковке и в фирменном пакете из гипермаркета.

– Странно. Если они любовники, то какие-то его вещи должны у неё быть. Хотя бы треники и футболка.

– Лиза, сейчас адвокат подъедет, и всё выясним. Что гадать-то?

Подъехала Ирина Эльханановна – маленькая сутулая старушка с некрасивым, но очень живым лицом. Сильно тонированные очки, которые она вынужденно носила из-за проблем со зрением, не могли скрыть азартного и радостного выражения её глаз, а улыбка была такой искренней, что Ирина Эльханановна казалась совсем молодой, несмотря на морщинистую, как печёное яблоко, кожу и совершенно седые волосы.

– Ведите злодея, – сказала она, устраиваясь сбоку от Лизиного стола, так чтобы можно было делать записи.

Вася привёл задержанного. Это оказался высокий и широкоплечий сухопарый человек, державший себя с достоинством, несмотря на обстоятельства.

Вежливо поздоровавшись со всеми присутствующими, Голлербах сел на приготовленный для него стул, отодвинув его как можно дальше к стене. Интуитивно Лиза поняла, что это не страх, не агрессия, а деликатность: он хочет оградить женщин от запаха, который мог приобрести после ночи в камере.

Вася Шаларь, присутствие которого было вовсе не обязательно, сел на подоконник и затаился. Лиза невольно позавидовала его энтузиазму.

Представившись, она сообщила, что вынесла постановление о привлечении Голлербаха в качестве обвиняемого. Лиза ждала возмущения, но он только кивнул. Может быть, просто не разбирается в юридических тонкостях и не видит разницы между задержанным и обвиняемым?

Она предъявила обвинение по части четвёртой статьи сто одиннадцатой Уголовного кодекса «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего» и посмотрела на Ирину Эльханановну. Но та только пожала плечами. Какой смысл сейчас спорить, когда в деле появится протокол судебно-медицинского вскрытия, или обвиняемый изменит свои показания, тогда можно будет подумать о том, чтобы переквалифицировать обвинение.

Ознакомив Голлербаха с его правами, Лиза начала допрос, запоздало сообразив, что из-за Васиной трескотни так и не проработала план разговора.

– Максимилиан Максимилианович, – сказала она мягко, – скажите, а почему вы пошли следом за Пушкаренко, а не остались у Тиханской?

Голлербах поднял на неё глаза. Его неправильное треугольное лицо с резкими чертами не выражало ничего, кроме горечи и усталости. На левом виске свежая ссадина, очевидно, след кулака Пушкаренко. Руки Голлербах держал на коленях, и Лиза невольно обратила внимание, какие длинные и сильные у него пальцы. Она всегда считала, что кисти рук говорят о человеке больше, чем лицо, и, составляя впечатление по рукам, ошибалась довольно редко. Это не значило, что Лизе нравились кисти какой-то определённой формы, ничего подобного. Самой классической лепки рука могла вызвать отвращение, а грубая ладонь с пальцами-сосисками и кустиками волос на фалангах вдруг внушала безграничное доверие.

Руки этого задержанного безусловно говорили в его пользу. Кроме того, на них не осталось повреждений, свидетельствующих о том, что их обладатель недавно дрался... Впрочем, осекла себя Лиза, моё дело прочесть заключение судебно-медицинского освидетельствования задержанного, а не фантазировать.

– Наши отношения с Тиханской не того рода, чтобы я мог остаться у неё на ночь, – сказал Голлербах спокойно. – Я настоятельно попросил Пушкаренко уйти, а потом ушёл сам, но не вслед за ним, а в магазин за замком. У Христины дверь в комнату не запирается, и я хотел обезопасить её, чтобы бывший муж не смог снова к ней вломиться.

«Пошёл за замком, а потом передумал и решил обезопасить любимую женщину другим способом», – подумала Лиза и взглянула на адвоката. Ирина Эльханановна слушала с самым безмятежным видом. Насколько Лизе было известно, они с подзащитным ещё не беседовали наедине, и при всём уважении к старой адвокатессе надо выжать из Голлербаха максимум информации, пока они не разработали стратегию защиты.

– А почему вы пошли через двор?

Голлербах пожал плечами:

– Так короче.

– Что случилось, когда вы увидели Пушкаренко?

– Я попытался ему помочь, – сказал задержанный после небольшой паузы, – начал делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца, так что если на вскрытии найдут переломы рёбер, то это скорее всего моих рук дело.

Лиза стала задавать уточняющие вопросы, в надежде поймать Голлербаха на мелких несостыковках, но он был твёрдо верен своей версии, отвечая коротко и спокойно.

«Удивительно, как он держит себя в руках!» – подумала Лиза с неожиданным сочувствием: интеллигентный человек вдруг оказался в совершенно чуждом для себя мире, обвиняется в убийстве, подвергся унижительной процедуре медицинского освидетельствования, ночь провёл в грязной камере с бомжами, наверняка ни на секунду не сомкнул глаз... Страшно подумать, что сейчас творится в его душе, а ведёт себя так вежливо, будто у них не допрос, а светская беседа.

«Чёрт, без криков о «ментовском произволе» даже как-то неловко разговаривать», – усмехнулась про себя Лиза.

Ясно, что человека с таким самообладанием разговорить не удастся. Формально она уточнила все позиции, и допрашивать дальше – только время терять. Лиза принялась печатать протокол допроса, параллельно прикидывая, какую избрать меру пресечения. Оснований полагать, что Голлербах ударится в бега, пожалуй, нет, свидетели все опрошены, показания их зафиксированы, а девушка всё равно покажет в пользу своего возлюбленного, как говорится «какая жена мужу алиби не составит», так что, оказавшись на свободе, он не сильно повлияет на ход следствия.

И самое главное: если Голлербах скроется, у Лизы будет чем оправдаться, а вот если он просидит до суда в камере, а потом, не дай бог, окажется невиновным, и, выйдя на свободу, развернёт масштабную кампанию, что, мол, Лиза кидает в застенки честных граждан почем зря. Могут начаться неприятности. Так что пусть гуляет на подписке о невыезде.

Лиза быстро вынесла постановление и дала Голлербаху на подпись бланк подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Пока она занималась бумагами, на подоконнике вдруг зашевелился Вася, о присутствии которого Лиза, надо сказать, подзабыла. Шаларь тянул руку, как отличник на уроке.

- Да, Василий Петрович, - сказала Лиза солидно, - слушаю вас.

- А вы прямо делали реанимацию Пушкаренко? Прямо дышали-дышали? Прямо рот в рот - рот в рот?

Казалось, в течение всего допроса Васю интересовал только этот аспект.

Голлербах вдруг улыбнулся, и Лиза удивилась, как преобразилось его лицо, из угрюмого вдруг став солнечным и добрым.

- Чтобы моя брезгливость не вступала в конфликт с врачебным долгом, - сказал он, - у меня всегда при себе есть защитная лицевая плёнка для проведения искусственной вентиляции методом «рот в рот». Очень удобная штука.

- Стало быть, вы ею пользовались вчера?

- Именно.

- А как она выглядит? - не унимался Вася.

- Обычная полиэтиленовая плёнка чуть больше листа формата А4. - Когда разговор коснулся нейтральных вещей, Голлербах заговорил свободно и даже с некоторой лекторской интонацией. - Для ориентира на ней схематично нарисовано лицо, а посередине - фильтр. Чрезвычайно удобно.

- На месте преступления мы ничего такого не нашли, - сказал Вася.

- Я выбросил её в помойный бак, когда приехала «Скорая помощь». Плёнку и перчатки.

– Резиновые?

– Да какой там! – Голлербах досадливо махнул рукой. – К сожалению, замшевые.

– Я просто думал, – заявил Вася с очаровательной непосредственностью, – что раз у вас эта плёнка была, то вы резиновые перчатки тоже при себе носите.

– Вы правы, обычно ношу в «дипломате». Но я сорвался к Христине и ничего не взял с собой, а маска у меня в виде брелока на ключах висела.

...Макс вышел на крыльцо в одном спортивном костюме, подняв воротник и обхватив себя руками. Христина побежала к нему.

– Вы здесь! Господи! – ахнул он, увидев девушку.

– Скорее одевайтесь. – Христина подала ему куртку и ботинки, которые рано утром привез Руслан. Он вынужден был уехать на работу, потому что назначенную операцию отменить никак не мог, но обещал позвонить сразу, как освободится.

– Неужели вы тут так и простояли всю ночь? Вы же совсем замёрзли, милая вы моя! – Макс сделал мимолётное движение, будто хотел обнять Христину, но сразу отступил.

Христина покачала головой. Она так волновалась за Макса, что не понимала, холодно ей или нет.

Они молча вышли на проспект и поймали такси. Макс назвал свой адрес, будто это само собой разумелось, и Христина не стала возражать.

Ночью они с Русланом думали, говорить ли Анне Спиридоновне о случившемся, не спровоцирует ли это новый сердечный приступ, но потом решили, что скрыть арест Макса всё равно не получится, и оттягивать – только утяжелять удар.

Христина было стыдно идти в дом, на который она навлекла беду, но и прятаться не годится. Она должна принять всё, что скажет Анна Спиридоновна,

и если откажет от дома, что ж, так тому и быть.

Макс сидел спереди, рядом с шофёром, и за всю дорогу ни разу не обернулся к Христине. Сердце её заныло, наполняясь свинцовой безнадежностью. Трудно было это объяснить, но, отказав Макс в его ухаживаниях, Христина всё равно чувствовала близость с ним, просыпалась с мыслью, что он есть, он рядом, и думает о ней так же, как она о нём.

А теперь она разрушила жизнь Макса... И не только его одного, но и всей семьи, принесла в их светлый, красивый мир ужасные вещи, грязь и пакость, которые никогда не должны были коснуться этих благородных людей.

Нужно было самой убить бывшего мужа – причём не сейчас, а гораздо раньше, когда он первый раз поднял на неё руку, вот и всё...

По лестнице они поднимались тяжело и медленно, и Макс, уже достав ключи, вдруг опустил руку:

– Не знаю, как показаться тётке Ане, – сказал он растерянно.

Христина опустила взгляд и промолчала.

– Надо как-то её успокоить, а как? – продолжал Макс. – Не знаю. Просто не знаю.

Возникло тягостное молчание, и Христина почти физически почувствовала презрение Макса к себе. Что ж, она это заслужила. И ненависть Анны Спиридоновны заслужила тоже.

Пока они мешкали, Мамсик сама открыла дверь.

– Максюша, что же ты стоишь? – Она порывисто потянулась обнять племянника, но Макс быстро отступил.

– Тётя Аня, после ночи в камере я не могу считаться образцом гигиены.

Анна Спиридоновна, не слушая, схватила его за плечо и втащила в дом. Второй рукой она приобняла растерянную Христину.

Девушка вошла в дом, конфузась и не зная, что сказать. Вдруг заломило пальцы ног, и Христина поняла, что действительно сильно замёрзла.

Извинившись перед женщинами, Макс быстро удалился в ванную, где сразу напористо зашумела вода, и Христина с Мамсиком остались наедине.

– Пойдём, котик, поможешь приготовить обед, – сказала Анна Спиридоновна спокойно, – у меня всё валится из рук.

– Анна Спиридоновна, простите меня! – начала Христина, чувствуя, что на глаза наворачиваются едкие горькие слёзы, и боясь разрыдаться в голос. – Понимаю, что это извинить нельзя, занадто важке[2 - Занадто важке – слишком тяжёлое (укр.).] горе я на вас накликала...

– Успокойся, котик! Я взрослый человек и умею видеть разницу между «из-за тебя» и «по твоей вине». Ты не хотела зла никому из нас, ведь так?

– Звичайно[3 - Звичайно – конечно (укр.).] нет!

Анна Спиридоновна невесело улыбнулась:

– Наверное, что-то ты могла сделать иначе – и избежать такой развязки, но случилось то, что случилось, и теперь пусть следователь ищет виноватых, а мы просто должны держаться вместе, вот и всё.

Христина шмыгнула носом и, отвернувшись, ладонью вытерла слёзы с глаз. Сняв куртку и сапожки, она быстро направилась в кухню, вымыла руки и повязала льняной фартук с вишенками, который Анна Спиридоновна держала специально для неё. Боже, как давно она не готовила в этой кухне! Но лучше бы никогда сюда не возвращаться, чем приходить в таких ужасных обстоятельствах, как сейчас.

Христина оглянулась, думая, с чего начать, но Анна Спиридоновна мягко нажала ладонью ей на плечо и усадила на табуретку возле буфета.

- Подожди, успеем с обедом. Расскажи мне, пожалуйста, всё.

Христина смотрела, как солнечный свет преломляется в гранях стёкол, которыми забраны старые тёмные дверцы буфета, как быстро вспыхивают и гаснут разноцветные искры, слушала, как за стеной шумит вода – это Макс пытается смыть с себя ночь, проведённую в камере, – и не могла поверить, что Анна Спиридоновна простила её.

Кажется, если бы она выгнала её и прокляла, это было бы легче перенести. Христина знала бы, что получила по заслугам, и смирилась, но от великодушия Мамсика было почему-то очень больно.

- Прошу тебя, Христина, – повторила Анна Спиридоновна, – я имею право знать.

- Всё почалось тиждень[4 - Тиждень – неделя (укр.)] тому, – начала Христина, как всегда, в моменты волнения пересыпающая русские слова украинскими, – когда он заявился первый раз...

Пережив не самую спокойную ночь после появления бывшего мужа, к утру Христина немного приободрилась. Она всё-таки решилась и написала Людмиле Ивановне об этом эпизоде – и почувствовала облегчение сродни тому, что испытывала, когда ходила к психотерапевту. Можно быть искренней, не опасаясь, что тебя осудят или начнут сплетничать за твоей спиной. Быть откровенной с Людмилой Ивановной Христине помогало ещё и то, что она никогда раньше не встречалась с этой женщиной, не видела её и не слышала её голоса, поэтому казалось, будто она обращается к какой-то абстракции, может быть, и не человеку вовсе. И Людмила Ивановна её не знает, можно до некоторой степени остаться невидимкой, не выходить полностью из тени, показать только ту часть себя, которую считаешь нужным.

Людмила Ивановна написала, что Христине совершенно нечего бояться – бывший муж не имеет никаких прав ни на имущество, ни на её самоё. Если только у него хватит смелости снова посягнуть на личное пространство Христины, сразу надо вызывать полицию, а вернее всего, достаточным окажется просто припугнуть.

Христина несколько раз начинала набирать сообщение, в котором объясняла, почему стыдится обращаться за помощью в правоохранительные органы, и

всякий раз стирала, понимая, какой глупостью это должно выглядеть в глазах новой подруги.

«Вы ещё не поняли, что ничего не должны ему, – писала Людмила Ивановна. – После развода вы сразу уехали, и это отложилось в голове как бегство. Поэтому у вас нет чувства победы, и вы до сих пор боитесь мужа, хотя он не представляет для вас никакой опасности. Тогда вы вырвались из лап зла, но не уничтожили зло, поэтому теперь, когда оно вернулось, чувствуете себя слабой и беззащитной. А это не так».

Христина понимала, что подруга права, но, несмотря на все её увещевания, чувствовала противный липкий ужас, как только думала о муже.

Людмила Ивановна приняла в Христине самое живое участие, быстро откликнулась на сообщения, и по её взвешенным ответам чувствовалось, что она переживает за девушку и хочет ей помочь. Христина заметила, что, посвящая много времени личному общению с ней, Людмила стала меньше писать в группе, и чувствовала неловкость, что отвлекает подругу от обычного хода жизни.

«В своё время я пережила тяжёлый развод и знаю, как это бывает, – написала Людмила Ивановна в ответ на Христинины извинения, – и как тяжело, когда не с кем поделиться. У меня есть негативный опыт, он гложет меня изнутри, но, кажется, если я помогу вам благодаря этому опыту, мне самой станет легче».

Она писала, что с Христиной произошло самое страшное для человека несчастье: потеря родителей в раннем возрасте и сиротство, и это горе бросило тень на всю дальнейшую жизнь девушки, коль скоро не нашлось никого, кто хотя бы попытался заменить ей мать. Она никому не была нужна и от этого не умела быть нужной себе самой – отсюда и нелепое замужество, и страх перед бывшим супругом-мучителем.

Христина читала – и ей становилось так жаль себя, неприкаянную, что как-то неловко было писать про Мамсика. В конце концов, несмотря на материнское участие Анны Спиридоновны, она так и не научилась любить сама себя.

«Помните, что вы сильная, раз вынесли такие испытания и не сломались, – страстно писала Людмила Ивановна, – важно ведь, не с какой силой вы бьёте, а какой силы можете держать удар! Вы, наверное, думаете о себе, как о

безвольной кукле, на которую свалилось много горя, но это не так! Совсем не так! Подумайте, где бы вы могли оказаться, если бы не сопротивлялись невзгодам? Спиваются или подсаживаются на наркотики люди, у которых было для этого гораздо меньше причин, чем у вас, а вы выстояли. Несмотря ни на что, у вас есть работа, интересы, положение в обществе, да и просто вы остались хорошим и порядочным человеком. Поверьте, это немало!»

Читая духоподъёмные сообщения Людмилы Ивановны, Христина начинала думать, что всё обойдётся, муж больше не придёт, а если вдруг и появится, то она сумеет дать ему достойный отпор.

И всё же девушка вздрагивала от каждого звонка, а оставляя телефон, потом со страхом брала его в руки – вдруг увидит пропущенный вызов с неизвестного номера...

Вернулись и прежние страхи – о том, что муж найдёт её во «ВКонтакте» и начнёт рассказывать всякие гадости о ней людям, мнение которых ей небезразлично. Анна Спиридоновна знает ситуацию изнутри и не станет его слушать, но остальные сетевые знакомые, казалось Христине, сразу поверят ему.

Бывший муж не объявлялся почти целую неделю, и Христина немножко расслабилась, решив, что неудачная рекогносцировка вынудила его перенести боевые действия в другие регионы. На всякий случай она позвонила тётке в Киев, но услышала только истерические просьбы не впутывать её и упреки, что неблагодарная Христина бросила старую женщину, воспитывавшую сироту из последних сил, не вспоминала о ней сто лет, а теперь, как хвост прижало, сразу что-то хочет.

Это была неправда. Христина часто звонила тётке и периодически посылала деньги, но, положив трубку, девушка всё равно почувствовала себя виноватой.

Страшась и опасаясь мужа, она почему-то не позаботилась об элементарных мерах безопасности. В частности, не отремонтировала замок на двери своей комнаты, сломавшийся несколько лет назад. Надо было сразу починить его, но Христина рассудила, что соседи у неё люди приличные, а прятать ей нечего. «Может быть, соседям даже станет неприятно, если они увидят, что я врезаю

новый замок, будто думаю, что они воры, – думала тогда Христина, – а потом, если делать, то это полдвери раскурочить, значит, ещё расходы... Нет, пусть так».

С тех пор соседи не давали ей повода считать, что способны посягнуть на её личное пространство, и Христина напрочь забыла о том, что её дверь не запирается.

Муж пришёл, когда её не было дома, очень вежливо поговорил с пожилой соседкой, и в результате был пущен к Христине в комнату – подождать её с работы. Позже соседка сказала, что он сообщил ей столько информации о девушке, что сомневаться в его честности было просто невозможно.

Увидев его в своей комнате – в месте, которое она привыкла считать безопасным, Христина едва справилась с дурнотой. Он сидел, нагло развалился на её диване, красивый холёный мужчина с чётким профилем и лучистым взглядом серых глаз.

– Убирайся отсюда, – сказала она хрипло, – нам не о чем разговаривать.

– А что так? – хмыкнул муж и протянул к ней руку. – Может быть, я тебя люблю и снова хочу быть с тобой?

Он всегда говорил на подчёркнуто чистом русском языке и смеялся над её привычкой мешать русские и украинские слова, и Христина вдруг поймала себя на том, что снова, как раньше, пытается следить за своей речью... Господи, зачем?

Она не видела бывшего мужа много лет, уже стала забывать черты его такого привлекательного и такого ненавистного лица, и сейчас, когда он снова очутился перед ней, как призрак прошлого, у Христины заколотилось сердце и пересохло во рту. Наверное, подумала она, так себя чувствует кролик перед удавом.

Он встал, сделал движение, будто хочет обнять её, а когда Христина отпрянула, засмеялся и снова по-хозяйски сел на диван.

– Нас с тобой ещё никто не развенчивал, так что перед Богом мы муж и жена. – Муж размашисто перекрестился. – Не знаю уж, какая муха тебя тогда укусила, но я хочу всё вернуть.

Стиснув зубы, чтобы не разрыдаться, Христина покачала головой.

– Да в самом деле, палку кинем, и будет по-прежнему! – Он засмеялся. – Всё можно исправить, дорогая, абсолютно всё. В том числе решение суда.

Христину затошнило.

– Вот я и пришёл к тебе, устроить всё любовно.

Неторопливо поднявшись, он прошёлся по комнате, рассматривая её как свою собственность и скользнув взглядом по вжавшейся в стену Христине так, будто она была частью обстановки.

Взял с полки книгу и, лениво перелистав, бросил на диван.

– Может, хоть покормишь меня для начала? – ухмыльнулся бывший муж. – Чего стоять-то?

И Христина не выдержала, выскочила из комнаты и побежала так, будто он мог за ней погнаться.

На улице она немного пришла в себя и, остановившись на перекрёстке, стала думать, что делать дальше. В сумерках шёл сильный снег, машины с трудом продирались сквозь него, тускло блестя жёлтыми огоньками фар, и Христине на плечи сразу намело белые эполеты.

Насколько хватало взгляда, ни в ту, ни в другую сторону проспекта, даже вдалеке, не наблюдалось никакого автобуса, на котором можно было бы уехать всё равно куда.

Зажегся зелёный свет, люди начали переходить дорогу, и кто-то довольно грубо толкнул Христину, растерянно стоящую на тротуаре.

Тычок этот заставил её сосредоточиться.

Муж сказал, что решение суда можно пересмотреть. Разумеется, он имел в виду не расторжение брака, а раздел имущества.

Христина никогда не была сильна в юридических тонкостях, но знала, что любое судебное решение можно оспорить, если есть деньги и время шататься по инстанциям. Во время своего суда она была так плоха, что совершенно не вникала в суть процесса, просто приняла то, чего удалось добиться её адвокату, улетела под крыло к Мамсику, чтобы забыть всё, как страшный сон. Как знать, вдруг у мужа есть повод для пересмотра дела?

Перспектива судиться с ним наполняла девушку ужасом. И особенно то, что она ничего не знала, как работает эта система.

Тут порыв ветра бросил ей в лицо горсть снега, словно приводя в чувство. «Но покамест он не имеет никакого права находиться у меня дома! – пришла первая здравая мысль. – Будет суд или нет, неизвестно! А что решит – это дело далёкого будущего, так что сегодня он идёт ко всем чертям!»

Христина быстро пошла в сторону отдела полиции, который находился всего в двух кварталах.

В отделе народу оказалось немного, только возле поста дежурного крутился небольшой водоворотик неряшливых и, кажется, пьяных людей.

Христина подошла ближе и попыталась поймать взгляд дежурного, но красивый полицейский старательно делал вид, что не замечает девушку.

– Простите, – сказала она негромко, – можно к вам обратиться?

Дежурный не отреагировал, и пришлось повторить вопрос, уже погромче.

После долгой паузы полицейский повернулся к девушке с выражением крайней досады на лице. «Эта сумасшедшая будет отвлекать меня своей ерундой от важных дел!» – ясно читалось на его физиономии.

- Слушаю вас.

- Понимаете, у меня бывший муж пришёл в дом самовольно. И не уходит, - сбивчиво начала она, с ужасом понимая, насколько глупо звучит её жалоба.

- А вы не можете с ним сами договориться?

- Нет.

- Он хулиганит? Угрожает?

Христина покачала головой.

- Тогда лучше всего завтра идите к участковому. На стенде информации, - дежурный показал рукой на противоположную стену, всю увешанную объявлениями, - посмотрите, когда ваш участковый принимает. Он во всем разберётся.

Закончив говорить, он взял какой-то документ и нарочито внимательно стал изучать, давая понять, что вопрос исчерпан.

Христина хотела возразить, что до завтра ей надо где-то ночевать, но вдруг её охватила страшная тоска, почти физическое чувство холода и пустоты. Стало так стыдно просить помощи у этого красивого мужчины, так унижительно, что она быстро отступила, и сразу её место заняла женщина средних лет с одутловатым лицом, в рваных чулках и в пальто, цвет которого было затруднительно определить из-за грязи. Она что-то громко стала втолковывать дежурному, путаясь в словах, может быть, тоже хотела приструнить мужа, и Христина почувствовала такую брезгливость и к этой женщине, и к полицейскому, и к себе самой, что поскорее вышла на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Читайте об этом в романе М. Вороновой «Рандеву на границе дождя». М.: Издательство «Эксмо», 2016.

2

Занадто важке – слишком тяжёлое (укр.).

3

Звичайно – конечно (укр.).

4

Тиждень – неделя (укр.).

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-voronova/krotkaya-zastupnica-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)